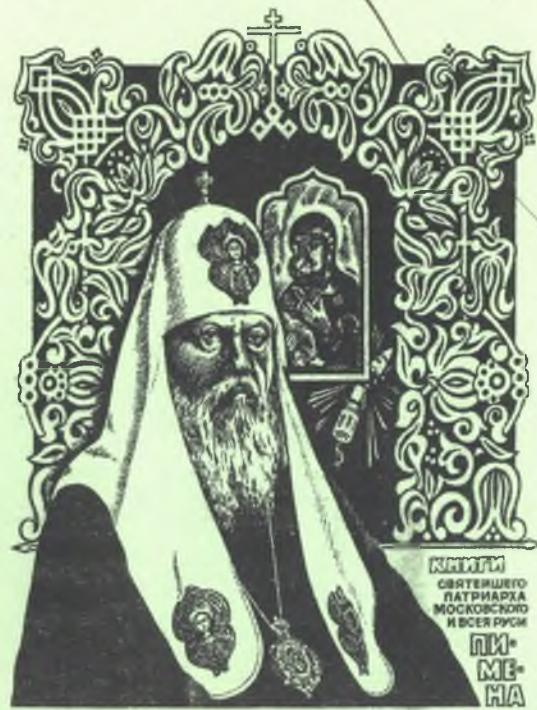

К 1441 899

КНИГИ
СВЯТЕЙШЕГО
ПАТРИАРХА
МОСКОВСКОГО
И ВСЕЯ РУСИ
ПИ-
МЕ-
НА

Автограф

63

**РУБЦОВСКИЙ ЦЕНТР Г. ВОЛОГДЫ
ВОЛОГОДСКИЙ СОЮЗ ПИСАТЕЛЕЙ-КРАЕВЕДОВ**

АВТОГРАФ

Литературно-художественный журнал

63

**Вологда
2012**

СОДЕРЖАНИЕ

От редактора	3
ИЗБРАННОЕ	
Юрий Максимов	4
Леонид Лешуков	7
Павел Батаков	9
Алексей Ткачев	10
ГОСТИ НОМЕРА	
Череповец	11
В МИРЕ РУБЦОВА	
Станислав Першии.	
Сокрытое за книжными страницами	
(К 50-летию издания книги стихов Н. Рубцова «Волны и скалы»)	18
Сергей Кувшинов.	
Поэзия Николая Рубцова в миниатюрных изданиях	
(1972-2006)	30
КОРОТКАЯ ПРОЗА 35	
Юрий Малоземов	35
КРИТИКА И ПУБЛИЦИСТИКА..... 38	
Юрий Иванов.	
Сорокину В.В. Человеку, Учителю, Поэту	38
Николай Бушенев.	
Череповецкий венок Рубцову	41
Виктор Бараков	
Русские идут! Поэзия Нины Карташевой	43
«Нет поражения во Христе!»	
Духовная битва иеромонаха Романа	48
Валентина Чусова.	
«И жизнь, и к родине любовь...»	
(О К. Н. Батюшкове и Хантове)...	54

УВАЖАЕМЫЙ ЧИТАТЕЛЬ!

Сейчас ты держишь в руках последний 63-й номер литературно-художественного журнала «Автограф». Он выходил, несмотря на то, что всегда был убыточным. Но, тянуть его в одиночку, тряся треть нищенской пенсии, я уже не могу. Причём, востребованность минимальна — более половины тиража, (а он и всего-то 100 экз.) остается у издателя. Искать спонсоров — не в моих правилах (не верь, не бойся, не проси). Идти в Администрацию, находясь в резкой оппозиции к властям — себя не уважать. Поэтому я решил остановить издание журнала. При этом не отказываюсь ни от одной публикации — готов издавать всех авторов отдельными книжками и брошюрами по самым минимальным ценам. И ёщё. Если кто-то имущий, или группа лиц решит восстановить журнал с тем же названием, соблюдая традиции, форму, а, главное, оппозиционную направленность — флаг тому в руки. Выражаю искреннюю благодарность Юрию Максимову (С.П.Б.), Николаю Бушеневу (Череповец) и другим лицам, оказавшим посильную помощь журналу. Рубрика «Графика» не пострадает, поскольку в Вологде, в самое ближайшее время будет выходить специальный эксlibrisный журнал. По-прежнему будет выходить и альманах «Вологодский Коллекционер».

*Бывший редактор журнала «Автограф»
Ю. П. Малозёмов*

Слабраное

Юрий МАКСИМОВ

В КАКОЙ ЖЕ МЫ СТРАНЕ ЖИВЁМ?

*Россия, Русь! Храни себя, храни
Смотри, опять в леса твои и долы
Со всех сторон нагрянули они,
Иных времён татары и монголы.*

Н. Рубцов

Как город «почернел»
всё меньше белокурых,
Мелькнёт всё реже
vasильковый взгляд,
Я вижу земляков
затырканных и хмурых,
Румянцем у них лица
не горят.

Посмотришь,
так такое впечатление,
Что русских выметают,
словно сор,
Тоскливое, короче,
настроение,
И злой на эту тему
разговор.

Решил зайти однажды
к бабе Насте,
Купить себе на рынке
зеленца,
Да у прилавка,
вместо слова — Здрасте !
Усатого увидел
молодца.

— Где же бабуся? —
ковырнул вопросом, —
Она тут торговала
много лет, —
Ответ с акцентом,
парень смотрит косо;
«Торговцев русских
в нашем рынке нэт»

Я огляделся
и на самом деле,
Вокруг чужие,
бестолку скульить,

Видать кавказцы
крепко понасели,
Если сумели рынок
закупить.

Вернулся,
возле дома новоселье,
Но лица смуглы,
уголовный вид,
Эх, снова на чужом пиру
похмелье,
Похоже в дом
вселяется бандит.

Жильцы у входа
кучкою столпились,
— Чево они с аулов
ходом к нам?
Мы за жильё считай
годами бились,
А им на блюдце...
новым господам...

Дедок с медалькой
шепотком свистящим,
Подкинул страху,
что парку в парной:
«Готовтесь,
скоро нас загонят в ящик
И закопают,
вместе со страной.

Не верите?
Включите телевизор,
Давно не наблюдал там
русаков,
Евреев и кавказцев
только вижу,
А русских опустили
до ларьков.»

В любой беде
русак на первом месте,
Сколько в земле
несчитанных могил...?
Чуть власти трудно —
оплетает лестью,
Поправим дело,
вновь народ не мил.

Считай к скотине
лучше отношенье,

Долгов тут тьма,
припомнить хоть войну,
Неужто не достойны
уваженья,
Хребтом не раз
спасали мы страну.

И край родной
не для чужих и «чёрных»
Что наводнили
наши города,
Сказать об этом прямо,
не зазорно,
Коль прёт в Россию
наглая орда.

У каждой нации
своё есть государство,
Решать за всех,
конечно, не берусь,
Но глядя на подобное
коварство,
Прижать бы надо,
хлынувших на Русь.

Понятно, мы у власти
не в фаворе,
К тому ж привычка,
живь с ПОВОДЫРЁМ,
У русских на роду
вино да горе,
В какой же мы стране
тогда живём...?

СПб. 2003 г.

* * *

Бомжи по улицам шатаются,
Поживу ищет алчный вор,
В парадных гомики сношаются,
Порокам на Руси простор.

Митинговать непозволительно,
Ругать чиновных не моги,
Ну а подручным исполнителям
Давно отшиблены мозги.

Зато в Кремле поют соловушки
И присягают царский двор, —
Попытют такие нашей кровушки, —
В толпе услышал разговор.

СПб. Май 2012 г.

* * *

Куда идём и что мы строим,
Народу ведать не дано,
Спасибо хоть не общим строем
Теперь шагать разрешено.

Долготерпенье вековое
Неистребимо до сих пор,
Пока у власти под пятою,
Привычка к рабству не в укор.

Эх, Стеньки Разина не видно,
Придёт ли? Что о том гадать,
Ядрёна корень, как же стыдно
Холопство наше наблюдать...

* * *

За окном декабрьский мрак,
Слякоть и грязища,
Было так и будет так,
Выхода не ищем.

Жил с надеждой много лет,
К Богу обратился,
Думал, что забрезжит свет,
Да не там родился...

КРЕМЛЕВСКАЯ «РОКИРОВКА»

Всё решено за нас заранее,
Чего идти голосовать?
Осталось только — «ДО СВИДАНИЯ»
Нам демократии сказать...

СПб.

«ПОДШИВКА» (юмореска)

Огорчаюсь, но пришлось «подшиться»,
Да ещё к седьмому ноябрю,
Надосло с бабою браниться,
Не скрывая правды говорю.

Все друзья теперь меня жалеют,
Что бойца, погибшего в бою,
А когда поддавши захмелелеют,
Прямо в закусы свои слёзы льют.

— Мужики ! Рубаху рву на теле,
Самому уже немоготу,
Разобраться если, в самом деле,
Пострадал считай за простоту.

Врач, подлюка, обещал спасенье,
Но леченье явно не к добру,
На хрена прилюдное мученье,
Ежели без водки я помру.

Истязанье это — отменяю,
Попрошу «штрафную» мне наливь,
Я, надеюсь, ясно объясняюсь?
А жене совет — меня не злить.

Питер. 2012 г.

* * *

Трепетность чувств,
оstrоту впечатлений,
Трудно с годами в душе сохранить,
Сколько нежданных
и горьких мгновений
Судьбы людские смогли изменить...

Счастье порою бывало так близко,
Шёпотом губ опасались спугнуть,
Только порой роковая записка,
Разом надежды могла зачеркнуть.

Кто виноват?
Стародавнее дело,
Вслед за теплынью всегда холода,
Если любовью душа отболела,
Будней постылых грядёт череда.

Что же,
смириться с печальною долей,
Каясь на смутность житейских дорог?
Снится мне часто буранное поле
И путеводный во мгле огонёк...

СПб. 2007 г.

ТИМОХА

— Ну что тебе сказать за Магадан?
Мне старай кореш говорит со вздохом,
Он эту фразу любит, когда пьяни,
Но я привык и не ищу подвоха.

Он весь таков и трезвый и хмельной,
Открытый, незлобивый мужичонка,
Частенько заводной и озорной,
Хоть слабину имеет на волчонку.

По жизни спотыкался и не раз,
Срок оттянул и это не скрывает.

Упрёк услышит, впялит острый глаз,
Чего мол с нашим братом не бывает?

Семейством он, как тиной, не оброс,
Завёл себе бабёнку, видом сучку,
Напьётся коли, не чини распрос,
Не то из дома шуганёт, как жучку.

Кажись гнилуха, что тут рассуждать,
Да на поверху многих мне милее,
Видали бы, как почитает мать,
Как он старушку бережно лелеет.

Приметил я к тому же, что порой,
Завидев инвалида-малолетку,
Он становился вовсе сам не свой,
И не пройдёт, не дав ему монетку.

Замкнётся после, помрачнеет вмиг,
Мой старый друг, зовут его Тимоха,
Со стороны глядится, как старик,
Но не от возраста, а просто ему плохо

Переживает, тут его не трохь,
Он не из тех, кто тешится улыбкой,
Чужая боль в нём вызывает дрожь,
Ему бы в помощь золотую рыбку.

Таков Тимоха, истинный русак,
Не без изъянов, пусть бывают чище,
Видал и умник попадал впросак,
Везёт, наверно, одному из тыши.

А что «сидел» и жизнь не удалась,
Так многие в России «отсидели»,
Покуда нами правит сучья власть,
И летом будут стужи и метели.

Лето 2002 г.

ОТКРОВЕНИЕ РАБОТАГИ

— Как я живу?
Отвечу — прозябаю, —
Хлебнул Михалыч пиво
из горла,
Топчуясь, что гусь,
куда идём — не знаю,
Поскольку вера в перемены
померла.

Попей пивка, мы в бане,
с лёгким паром !
Вот я слесарю
скоро тридцать лет.

Начальство деньги
ограбает даром,
А мой лимит —
«полтха» на обед.

Вчера, не скрою,
взял «пузырь» с получки,
Долги вернул,
опять я голытьба,
С чего, Юрок,
житуха станет лучше?
А старикам вообще теперь
труба.

Нет, я не нытик,
чтоб скучить напрасно,
И плакаться в жилетку
не по мне,
Да только и тупице
нынче ясно,
В каком мы оказались
говне.

Тебя я уважаю
как поэта,
Рот не заткнул
заманчивый калач,
Режь правду-матку,
люди ценят это,
Она для власти,
что быку кумач.
Кого заботят ныне
наши хвори?
В стране бандитов
жалость не в цене,
Глядишь порою,
на людское горе,
И топишь после
боль свою в вине.

Я то по первости поверил
пышным фразам,
За обновление ходил
митинговать,
Но приглядевшись
протрезвился сразу,
Как «правдолюбцы»
стали воровать.

Власть хитрохопа,
в верности клянётся,
Знакомы речи —
надо потерпеть,
Плевать, что большинство из нас
загнётся,

Попы под боком,
есть кому отпеть.
Извечно бьём поклон
своим указчикам,
Гвоздём вдолбили —
наверху виднее,
А оболванивают нас
по телящику,
Приметил? Там теперь
одни евреи.

Кто честен,
поневоле прозябает,
Воръё нам перекрыло
кислород,
Наверно только Бог
сегодня знает,
Когда с колен
поднимется народ.

Питер. Лето 2004 г.

Леонид ЛЕШУКОВ

Леонид Петрович Лешуков, 53 года. Инженер-энергетик Никольского районного Дома культуры, Руководитель литературного объединения «Открытие» г. Никольска, автор поэтических сборников «Размышления» и «Перекаты».

СОЛЬ

Разбитной и не женатый,
При уме и все при мне,
Не кривой, не конопатый
Погулять пришел к родне
В деревеньке вологодской,
Где на сорок верст леса,
Семь домов и три колодца,
Ждет меня кума-краса.
Деревенские картинки:
Хлебный дух щекочет нос,
Звон косы, идут зажинки*,
Тявкнул где-то чай-то пес.
У колодца за избушкой

* Зажинки, зажинок — начало жатвы (В. Даль).

Тихий слышен разговор,
Две беседуют старушки:
Это мой знакомый двор?
«Потерялся что ль, родимый?
Загулял, иль нет родни?
Ты, милок, шагал бы мимо,
На зажинках все они.
Глянь, хлеба-то ныне сохнут,
А без дез и день пустой».
На скамейку села, охнув:
«Ты чуток постой-постой.
Иль к тебе какое лихо
Прицепилось? Наклонись! —
Чуть привстав, сказала тихо:
— Чаще, миленький, молись.
Нам гуляные не в угоду,
Ты б, сынок, косить помог.
Худо в небе: к непогоде.
Уж с утра не чую ног».
Путь в деревню был неблизким,
Только время зря извел.
Поклонился бабкам низко,
И, пристыженный, ушел.
Не косарь я и не пахарь,
От стыда — на сердце боль,
Как в зажинки на рубахе
От трудов крестьянских соль.

2011 год.

СИРЕНЕВЫЕ ТЕНИ

Те сиреневые тени
На сиреневом снегу
Смоет дождиком весенним,
Смоет в речку, что в логу.

Только я уплыть по речке,
Вслед за тенью, не смогу.
Здесь привязано сердечко,
Здесь, на отчём берегу.

Поседевшие рябины,
Одинокий старый дом.
Мы, наверное, повинны
За печаль в kraю родном?

Дом отцовский -- под берёзой.
Три окошка -- на фасад.
Куст -- посохшей дикой розы.
Без людей -- увядший сад.

От дорог, тревог, сомнений
Обретаю здесь покой.

Преклоняю я колени
Перед русскою избой.
Отгорит заря над речкой.
Тени спрячутся в логу.
Старой лодкою сердечко
Привязал на берегу.

декабрь 2009 — май 2010 года

В ВОЛОГДЕ ПАДАЕТ СНЕГ

Над Вологдой падает снег
Холодный, хрустящий, но ласковый.
А город вздыхает во сне,
Прошаясь с осеннею сказкою.
Хозяйка двора заспалась,
Укрывшись газетою с ребусом.
Снежинки летают кружась,
Цепляясь к последним троллейбусам.
А в Вологде падает снег
На парки, на улицы сонные.
Сливается слабый рассвет
С соцветьем аргонно-ксеноновым
Сигналит знакомый таксист,
Часы прозвенели полпятого,
А я, как юнец-лицеист,
Играю в снежки у Горбатого*.
Кричит мне с моста молодежь:
«Ты, девушка, греешься? Холодно?»
И пляшет неоновый дождь
На белом снегу по-над Вологдой.

2012 год.

* * *

Как страшно, Господи, как странно:
Два короба — грехов, в карманах —
ни гроша,
Устав от воплей ресторанных,
Ушла покой искать безгрешная душа.
Одна! Увы, а я, не с нею,
В чужих одеждах тело, будто не своё,
В постелях тёплых леденею.
Пошли мне, Господи, заблудшую её!
Поднять себя, ты дай ту силу.
(Мне сотни раз кричали в уши:
«Согреши!»)

* «Горбатый» — название моста через реку Вологда.

Я грешен, Господи, помилуй,
Не дай, Господь, мне жить
без собственной души.

МОЛОДАЯ

Юбилей пришел нежданно,
Иль ждала и волновалась?
Отчего ж глаза туманны?
Ты такою же осталась:
Милой, светлой, доброй, нежной,
И любовь живёт, как прежде.
Лишь печалью в непогоду,
О себе напомнят годы.
Годы, годы. Смолкли трубы,
Te, что в юности звенели.
Нечелованные губы,
Яблонь белые метели.
Шестиструнная гитара,
Вальс забытый, старый, старый,
Вдруг припомнились сегодня.
Не печалься, сквозь невзгоды
Увезёт река, играя,
На большом пароме годы,
И сойдёшь по лёгким сходням,
Ты такая молодая.

Павел БАТАКОВ

* * *

Конец уступит вечности,
Когда пройдут столетья
Безумства, хаоса и оргий.
И запастись бы свечками,
Не будет ведь энергии —
Придёт ночное время,
Со временем и солнце.

Но если дунет северный,
Сырое будет лето,
Достигнет пика смертности
Земля. Постигнут это дети.

УСТИЮЖНА

Течёт неторопливая Молога.
Приток реки — холодная Ворожа,

Через её Козлиный Мостик
К посаду изб приводит тропкой.
Над ним берёз и сосен кроны
И рядом церковь величава,
Что взор ласкает взглядом.
А в городской черте по краю
Стоят кирпичные кварталы.

Всё сочетается удачно —
Веков незыблемое царство,
А люди здесь душой богаты —
Улыбки даря взглядом.
Меня, река, сюда как привела?

* * *

За стеною слышу голос —
Громкий крик и я в тревоге:
Что его постигло горе?
Муж сейчас с женой в ссоре?
Ухо жму к глухой стене —
Понимаю, что до скорой
Дозвонились, на подходе.

Крики вот такого плана:
— Кто-нибудь ментов зовите.
Грохот мебели и чашек,
Стук о трубы всё упрямей.
Умирает? Сомневаюсь
И минуты не проходит
Под окном услышу голос:
— Потерпите, всё проходит.

* * *

Равнение мыслей беспредельно —
Непостижимое сравнение:
Одна другой ни сколь, ни лучше.
Что может мыслей быть похуже?
А нечего, и даже чувства.
Они равны, а в мире грубость
И всё обвешано «фольгой»,
В ней отражение знакомо
Моё — искажено немного.
На самом деле внутри я добрый —
Всегда уютно возле дома.

Что может быть полезней дела,
Чтобы планета стала чище?
Сейчас, уверен, ничего...

* * *

Ночной фонарь надолго ли погас?
Померкло всё в слезливости, в тумане.
С утра вокруг не видно было света,
Сияло лживое лишь днями солнце,
Туманы как клубились вечерами,
Пока не растворились в красках тени.
Но не уйдут они, как смех при скорби,
Как ночь и день, как радость и печаль.

* * *

*Памяти погибшим
в авиакатастрофе в г. Ярославле*

Птицей взлетел самолёт —
Оказался обманчивым взлёт,
И упал в тот же миг. Как он мог...
В нём летели спортсмены. Случайно?
Как-то выглядит это банально.
А бессонная ночь в Ярославле —
Людей тысячи вышли проститься,
И поставили столько же свечек.
Много слёз. Президент: — Извиняюсь!
Ему я нисколько не верю.
Жизнь людей или деньги важнее?
Безответственность или измена?
Пусть он спросит себя это сам.

* * *

*По картине «Дорога в осень»
В. И. Новикова*

Дверь открываю я в осень,
Вижу, на поле зароды
Доверху смётаны, много.
Справа, скорей, во всех окнах
Свечки горят, люди дома —
Целое лето работали в поле.
Топятся бани, не мылись в них долго —
Это что слева, и речка.
Будет чуть рядом свой праздник,
И там б каждый год вопрошали:
«Сколько с полей вы убрали?»

Алексей ТКАЧЕВ

НОЧЬ И ЕЩЕ ОДИН ДЕНЬ

Посвящается одиночеству

Ночь, и день, и еще один
Тихий вечер истлел дотла.
Под луной журавлиный клин,
Как направленная стрела.
А на небе огромный ковш...
И маячит над ним звезда,
Будто видит, как я похож
На идущего не туда,
На живущего кое-где,
На избравшего себе путь
Суеверием в суете
Одиночество обмануть!

Очень медленно тает снег...
Не дождаться другой весны.
Спят застывшие русла рек,
Черно-белые снятся сны.
По-другому горит закат,
Сердце просится в новый свет,
Но нельзя повернуть назад -
Впереди еще больше бед.
И не ковш уже, а черпак
Из семи одиноких звезд...
Но они не подскажут, как
Через бездну построить мост.

Почему ж тогда по весне
Звезды манят, к себе зовут.
Да и ты не спешишь ко мне
В белом облаке. В синеву,
Опираясь на Млечный путь,
Ускоряясь в пространстве дня,
Как частица Вселенной, пусть
Из-под ног убежит Земля.
В лабиринте чудесных снов,
В глубине восхищенных чувств
Мне бы надо понять давно,
Как же мир был жесток и пуст!

2012

Гости номера

ЧЕРЕПОВЕЦ

Полина ПАНЮШКИНА

* * *

Лучше сгореть однажды,
Чем постепенно истлеть.
Лучше споткнуться дважды,
Встать и опять полететь.

 Лучше расправить крылья,
Чем спасовать и уйти.
Плыть по течению легче,
Чем криулять на пути.

 Лучше забыть обиды,
Двигаться вверх, а не вниз,
Строить свои пирамиды.
Вот настоящая жизнь!

ДРУГАЯ СТОРОНА

Мои часы застыли, ну и что ж?
Они живут не в этом измеренье;
И если вдруг пришло к ним
просветленье,
Зачем скрывать волнение и дрожь?
Какая-то другая широта...

 Мне хочется взлететь, а крыльев нет.
Хотя сегодня это всё условность,
И если в сторону отбросить
скромность,
Я до твоих дотронулась комет!
Какая-то другая высота...

 Внутри — весна, а за окном —
мороз.
Хотя сегодня это всё не важно!
Могла ли я подумать, что однажды
Я затеряюсь в лабиринтах грёз.
Какая-то другая глубина...

 Мои часы не повернуть назад.
Тогда откуда это притяжение?
И гы шагнул в таком же направлены
Какой-то новый, непривычный
взгляд.
Какая-то другая сторона...

* * *

Закат —
Это тот же восход
Наоборот.

Назад,
А быть может вперёд,
Как повезёт.

Терять —
Это чтобы искать
В темноте.

Бежать —
Это вроде летать
По земле.

Анастасия ШЕБАЛИНА

УЧИТЕЛЬНИЦА ПЕРВАЯ МОЯ!

Учительницы первая моя!
Я до сих пор храню воспоминания...
Тетради, книги,
знаки препинания —
Все это тяжелей день ото дня.

Учительница первая моя!
Вы помните, как шумно мы
смеялись?

Как замерли однажды, испугались
Такого шумного за окнами дождя?

Учительница первая моя!
Вы помните букетик на столе,
В узорном матовом стекле
Стоявший там с начала сентября?

Учительница первая моя!
Вы помните сияние
наших бантиков?

Как хулиганы
«мальчики-романтики»
За них нас дергали, глаза не отводя?

Учительница первая моя!

УЧИТЕЛЮ МУЗЫКИ

Звучали знакомые ноты,
Из окон летели гаммы.
Хрустальные их полеты
Лечили любые раны,

Исполняли любые желания,
Доводили порой до дремоты,
Раскрывали секрет мироздания
Эти чудные, дивные ноты.

В этих звуках мы слышали счастье,
Нежность, ненависть, страсть
иль тревогу.
Зной и ветер забыв в одночасье
Мы себе выбирали дорогу.

ЗАБЫТАЯ ОРИГИНАЛЬНОСТЬ

Разукрашу фиалками небо,
Набросаю под ноги звезд.
Это жаркое сочное лето.
Это сонное утро грез.

Из тарелок выложу к солнцу
Винтовую прозрачную лестницу.
А из чашек построю дом, где
Все мои мысли поместятся.

Распрощаюсь с нелепыми фразами,
И со старыми темными снимками.
Откуплюсь от жалости вазою,
И уйду, грохоча ботинками.

ЧЕРНИЛЬНЫЕ ЖИЗНИ

Туманные чувства, забытые в письмах.
Бумажные муки, чернильные жизни...
Но, светлые души в оранжевых листьях,
И жизнь мы рисуем тоненькой кистью.
При свете свечи, в темноте поздно ночью,
С нажимом несильным, разборчивым почерком.
И с сердцем, что было разорвано в клочья,
Чертить на листке наши судьбы неточно.

O РОЗА, РОЗА!

*По стихотворению Роберта Бернса
«О красная, красная роза!»*

О красная роза, любовь моя!
Ты прекрасна, застывшая летом.
Как приятная сердцу мелодия
Душевная, великолепная.

Какие глубокие чувства
Полыхают на твоих лепестках,
Сухих от тепла искусственного,
Драгоценных в моих глазах.

Даже пусть все моря высохнут
Или горы откроются солнцу.
Я слова на стекле высеку
Как «любить мне тебя не просто.»

И за тысячи миль, о роза
Я тебя увижу во сне.
Никогда не забуду твой образ
Лепестков горящих в огне.

Сергей ПЕТРОВСКИЙ (С.Гребенник)

ЗАТЕРЯННЫЙ В ПОЛЕТÉ

Сквозь ночной полумрак
и холодную тьму,
Проходя через клубы густого тумана,
Ты летишь в самолёте, играя в войну.
Скоро кончится всё, но пока ещё рано.

Ты с машиной своею опять заодно,
Будто органы — все бортовые приборы.
Предначертана смерть —
ты всё знаешь давно.
«Друг мой верный, прощай,
всё закончится скоро!»

Под тобой засыпает планета людей,
Обессилев от крови напрасно пролитой.
Мир, добро и осколки великих идей —
Всё разрушено, стёрто и просто забыто.

Со звезды улыбается Маленький принц,
Он зовёт за собой, в мир без зла
и обмана.

В древний Эдемский сад
из библейских страниц.
«Нет, мой милый, прости, но пока
ещё рано».

Ты отжал до предела штурвал на себя,
И завис в небесах посреди океана.
Грянул выстрел. Осколки
и брызги огня,
И предсмертный твой крик
«Умирать ещё рано...»

ВЫСТРЕЛ

Стреляй! Курок уже взведен.
Стреляй — я безоружен.
И алчет крови твой патрон,
И щит уже не нужен.

И взглядом ледяным в упор
Твой ствол меня пронзает.
К чему весь этот разговор?!

Один из нас — проиграет!

Но поражение ли — смерть?
И выжить ли — победа?
Да, мне уже не уцелеть,
Свинца в груди отведав,

И будет долго гнить в гробу
Поверженное тело.
Но что не зря я вёл борьбу,
И что погиб за дело —

Я верю! Шепчет ангел мне,
Что умер не напрасно.
Быть может, станет на Земле
Чуть менее ужасно?

И может я, на райский пир
Прибыл, спою на лире,
О том, как сделал этот мир
Я чуточку счастливей.

А ты останешься страдать
От собственной победы,
И раз за разом вспоминать
В шальном припадке бреда

Мои глаза — в них страха нет,
В них вера лишь осталась! —
И как не дрогнул пистолет,
А сердце — оборвалось...

Стреляй, «герой! Я не боюсь
Разверзшейся могилы.
Пусть я от пули не спасусь,
Но всё же в правде — сила.

ПОЭТЕССА

Тихо ухает где-то вдали
полуночная птица,
В полусладком бреду с губ слетают
живые слова.
Вот и всё. Обещай, что ты
будешь хотя бы мне сниться...
Обещай, поэтесса,
с которой знаком я едва...

Быстро тикают часики
в старой безлюдной прихожей,
Остывает в фарфоровой чашке
не начатый чай.
Приоткрытая дверь... Здесь никто
нас увидеть не сможет.
Не смотри на часы, отвлекись,
и чуть-чуть помечтай.

А в бокале портвейн сладковатым
дразнящим дурманом
Проникает в пустое сознанье
с обрывками фраз.
Свежий ветер порывом своим
непростительно рано
Прерывает чарующий твой
откровенный рассказ.
Чёрным бархатом ночь укрывает
источники света,
И твоя голова упадёт мне устало
на грудь.
Воздух полон прощальной тоски
уходящего лета...
Об одном, поэтесса, тебя попрошу:
не забудь!..

Виктор КИЧКАРЕВ

«ПРОСТО МЯ»

Прелестнейшей прекрасных,
Чей взор из глазок ясных
Шутя, преображает
Весёлого меня
Вы — фея, вы — принцесса,
Вы очень интересная
Идеями и юмором,
Вы кошка — просто Мя!

* * *

Как в детстве неба синева,
Земли благоухание,
От жизни — кругом голова,
В восторге Мироздание...

Спокойный, окрылённый
Талантом понимать
Людей. И в жизни знать
Взлёты и глубины.

Ты для жены и для детей
Желанный и любимый!

«ЧЁРТИК В ГЛАЗАХ...»

Утром беззаботным,
Солнышком вольготным,
Сквозь окно облизанный,
С песней птиц в ушах,
Просыпаюсь сладко,
С нами впечатлённый,
Сразу окрылённый
И с чёртиком в глазах!

То-то день сегодня —
Самый лучший в жизни,
Мне подарит счастье —
Денег миллион!
Миллиард улыбок,
Минимум ошибок,
Мудрый опыт славный,
Что в меня влюблён!

Максим ОРЛОВ

МАГИЯ

Мне приснилось солнце,
закрытое вуалью;
Небо в синих звёздах за широкой далью;
Песни и проказы. Ведьмы на шабаш
Ночью улетели, спрятавшись
в шалаш...

Бурные фантазии ночью при луне
Сон мой нарушают, а в сизой вышине
Млечный Путь простёрся
вечною тоской —
Тени опустились.
Сышен волчий вой...

* * *

Зачем молчишь опять? Не надо
Меня молчанием проверять.
То, может быть, моя награда,
И должен я её принять?

Не факт, что всё так будет дальше
Над мной сверкать твоя гроза;
Скорей, тебя покину раньше,
Но час не тот — пока нельзя.

Потух в твоих глазах очаг
В котором я искал приюта;
Тебе не друг я и не враг
И сладострастия минута

Иссякла, — больше нету нас:
Лишь я и ты. Чего же проще
Терять тебе из общих масс?
Но станешь ты гулять по роще
И вспомнишь, может, тень мою —
Она в уме твоём, — и рядом
Меня представишь, но «люблю»
Ты не представишь моим взглядом.

К ЧИТАТЕЛИЮ

Горю к стихам огнём холодным,
На них гляжу почти тайком,
И строчек ряд, порою злобным,
Меня ругает языком.

Чего пишу, друзья драгие,
Извольте, в общем, как и есть,
Труды мои, хоть не большие —
Досугом ясным взять, прочесть.

В стихах найдёте Вы, конечно,
Любви немного, каплю грёз.
Вас искренне ценю, сердечно,
Для Вас готов мой паровоз!

Максим ПРИХОДСКИЙ

МУЗЫКА

Откуда рождается музыка?
Быть может, от звона струны,
Что нежно в кругу нашем дружеском
Поёт про далёкие сны...

А может, от щёпота пламени
Уже столь родного костра,
Подобного алюму знамени,
Что треплют ночные ветра.

Возможно, с чистейшего голоса
Её начинается жизнь,
Что тоньше незримого волоса
И выше, чем горяя синь.
Не с плачем ли новорождённого
Несут её тысячи лир?
Не муга ли поэта влюблённого
Приносит её в этот мир?

А что, если с томного щелеста
Листвы изумрудной в ветвях
Её начинаются прелести,
Гармонию сея в сердцах?
А что, если звонкими песнями
Её начинают скворцы?
За эти ли звуки чудесные
Мы строим крылатым дворцы?

Мне кажется, всё это частное,
И музыка ждёт, не дыша,
Когда, созерцая прекрасное,
В ответ заиграет душа.
И разум становится узником,
Покорным и часто немым.
Вот здесь начинается музыка,
И здесь начинаемся мы.

ОГНЕНИЙ ХРАНИТЕЛЬ

Словно забытая всеми арканы,
Бьётся могучее сердце вулкана,
Символ безудержной силы всего,
Что сохранило в себе естество.
Стоя у скользкого края могилы,
Ты приняла эту грозную силу,
Чтоб защититься и чтоб защитить
Тех, без кого не захочется жить.

Свет! Раскалённые крылья дракона
Нежно укрыли нас от беззаконья,
Но ненадолго... И, будто гроза,
Яростный рокот пронзил небеса!
Верный хранитель
предательски ранен —
Рвётся наружу неистовый пламень...
В ком-то, кого ты взяла под крыло,
Корни пустило коварное зло.

Обожжена твоей кровью землица,
А рукоятью зловеще искрится
Ядом пропитанный мизерикорд,
Всей справедливости наперекор.
Больно... Пусть рана и яд не смертельны,
Плата за жизнь высока запредельно:
Тех, в чём обличье явилась беда,
Ты не забудешь уже никогда.

СЮЖЕТ

Когда звёзды так близко,
что можно до них дотянуться,
А течение реки норовит
унести тебя вдаль,
По родительски нежно
в тебе растворяют печаль
Этот сумрачный лес и луны
золочёное блюдце.
И в тумане над полем, поросшим
высокой травою,
Ты увидишь, как тайные обrazy
мир осенят,
Словно сцены из фентези-фильма,
что не был отнят,
Но чей славный сюжет безвозвездно
открыт пред тобою.

Вдалеке замаячат фигуры
в шикарных доспехах,
Чуть поодаль от них чьи-то мантии
зашелестят.
Одинокая путница бросит
испуганный взгляд
В твою сторону. Мимо промчится
усталое эхо.
И когда всё начнёт становиться
до боли знакомым,
Заискрится, играя меж сосен,
янтарный рассвет...
Пред тобою возникнет
величественный силуэт
Южной крепости, ставшей тебе
и приютом, и домом.
Ты живёшь здесь лишь дни,
но тебе они кажутся жизнью,
И условности перестают отравлять
этот мир.
Ты вгляделся в него и увидел,
как сквозь палантир,
Что он есть — вопреки всем
сопутствующим анахронизмам.

Но наступит тот час,
когда эта прекрасная сказка
Постепенно, деталь за деталью
начнёт исчезать...
Ты допишешь историю,
бросив перо на кровать,
И со светлой тоской
снимешь эту незримую маску.

Мария КУЛИКОВА

ПАУТИНА ИСКУССТВА

«Как сводит судорогой пальцы,
Так вы зажаты, бесполезны...
На что, скажите, ваши танцы, —
Коль под ногами рвётся бездна!

Как шар гремит в консервной банке,
Бренчит во мне остаток сердца.
Терзает мерзкий визг шарманки...
Ах, лучше бы послушать меццо!

Отдай смычок мне, «Страдивари»!
Пусть струны арфы оборвутся!
И кбитым клавишам рояля
Тень рук не смеет прикоснуться!

Молчи, оркестр, умоляю!
Пусть длится пауза чуть дольше.
Прислушайтесь... У сцены, с краю...
Я слышу шёпот губ тревожных.

О, сердце, успокойся,тише...
Не разрывай грудную клетку.
Кто здесь? Вы где? Я вас не вижу!
Лишь лица всех ушедших предков...

Виденье. Вновь. Как плёнки лента...
А я фитиль в остатках воска.
Играйте музыку! Крещендо!!
Воспоминаний отголоски...

Ещё, ещё! Отдайте душу
До капли в музыку, в шедевры!
Отдайте тело, будет лучше
В кровь пальцы бить, чем дёргать нервы...

Теперь спокойнее, пиано...
С любовью, чистой, непорочной...»
И плачет зал, открылась рана,
И мир иллюзий порван в клочья...

Не ищет новых жертв искусство,
Но завлекает в паутину...
Артист — всего лишь грань безумства,
А зритель — мученик невинный...

Екатерина МЕРТЫИНС

НЕ ТОСКУЮ...

Я не тоскую по ушедшим дням.
Но в памяти моей остались лица.
Кто аплодировал моим стихам,
Кто дифирамбы пел моим страницам!

Кто равнодушием меня не огорчал
И взором провожал красивым!
Спасибо тем, кто просто промолчал,
И стал необычайно милым!

НЕ ГОРЮЙ!

Ты не горюй о том, что не сбылось!
И сбыться никогда не сможет.
Так в жизни нашей повелось,
Тебя пусть это не тревожит.

Вдогонку не иши измен!
Ищи в себе слова, сомненья.
Взгляни на книгу перемен,
И там найдёшь своё спасенье.

Альфред ХОХРЯКОВ

* * *

Видимо, ночью дождичек был,
Асфальт до сих пор мокр.

А я тебе еще не звонил,
Хотел, но раньше не смог.

Ведь мы с тобой не общались уже
Где-то семнадцать часов,
Когда на твоем восьмом этаже
Щелкнул дверной засов.

Я не курю, и натянут как трос,
Смотрите, — морщинок нет...
Хочу задать тебе важный вопрос:
Можно прийти не обед?

* * *

Все данное приемлю я как милость
И с прошлым устанавливаю нить...
Ты почему-то мне сегодня долгоснилась.
Причину не могу установить,
Как не пытаюсь, мне не удается.
Быть может, суть в катализе весны.
И снова сердце неуемно бьется,
И снова снятся женщины. И сны
Полны надежд, любовных новых пыток,
Весенних соков яростный напор...
Все конечно. Ведь мы с тобою квиты.
Но почему же снишься до сих пор?

Наталья ЛАТЫШЕВА

* * *

Старая скворечня на шесте скрипит,
Но никто не слышит:
вся деревня спит.
Вдалеке собака месяцу поёт,
Кто спросонья вздрогнет,
кто-то и вздохнёт.
Ветер лижет звёзды,
по речушке рябь,
Тучи скроют месяц —
отправляя спать.
В палисаде робко шевелится листва,
Сладкий сон деревне снится до утра.

* * *

Всё сердечко своё уговаривала,
Для тебя местечко выкраивала,
Залатала, заштопала дырочки,
Завязала в узел все ниточки.
Я отрезала всё ненужное,
Убеждая себя, что ты — суженый.
Не судьба, не получилось,
Сердце не уговорилось,
На посулы не польстилось,
И на ласки не купилось,
Для тебя — остановилось.

* * *

Когда я создала любовь,
Когда закончила ваяние,
Забрал её к себе Господь
Как эталон для подражания.

В мире Рубцова

50 лет
первой книге поэта Николая
Рубцова
«ВОЛНЫ И СКАЛЫ»
1962-2012

СОКРЫТОЕ ЗА КНИЖНЫМИ СТРАНИЦАМИ

Борис Тайгин вспоминает...

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

И буду жить в своём народе...

Николай Рубцов

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ. Борис Иванович Тайгин — первоиздатель книги поэта Николая Михайловича Рубцова «Волны и скалы». Наша энтолаярная дружба продолжалась десять лет (1998–2008). Мы обменялись с ним почти шестьдесятю деловыми, дружескими, сердечными посланиями, при этом, основная часть касалась истории создания «самиздатовской», машинописной книги «Волны и скалы» в его «домашнем» издательстве «Бэ-Та» (означавшего «Борис Тайгин»).

При жизни он позволил использовать его неизданные письма ко мне и «Дневник писателя «По горячим следам». Тетрадь 1. 1962 г.» (ксерокопия), при подготовке и публикации материалов, связанных с творчеством, издательской деятельностью и созданием (совместно с Н. Рубцовым) сборника «Волны и скалы». К тому же, он отечески наставлял — «... если есть первоисточник, авторская реплика, то конечно лучше, точнее и

Борис Иванович Тайгин.

правильнее будет «повторить автора», чем *пересказывать смысл своими словами!*» (17 марта 2007 г.).

В текущем, 50-летнем юбилейном году, предпринята попытка впервые рассказать о практически неизвестных фактах и обстоятельствах издания первой книги Н.М. Рубцова.

РУБЦОВСКАЯ РЕЛИКВИЯ. 1 июня 1962 года в тогдашнем Ленинграде, в доме 25 по 10-й линии Васильевского острова, встретились два русских человека, объединённых общей любовью к ПОЭЗИИ: Николай Рубцов и Борис Тайгин. «...Николай поднялся на третий этаж, постоял на лестничной площадке около двери квартиры 7, несмело дёрнул за кольцо, которое висело на металлическом тросике, уходящем за косяк двери. И как только за дверью тонкой грелью раздался звук колокольчика, Борис сразу же ему открыл.»*

Гостеприимный хозяин подвёл гостя к старинному книжному шка-

* Антуфьев А.В. «И легендарный Борис Тайгин...» С. Пб.: Библиотека им. Н. Рубцова; Литературный музей «Н. Рубцов: Стихи и судьба», 2003. — С. 56 // «И буду жить в своём народе...»: сборник.

фу из морёного дуба, изготовленного по специальному заказу в конце XIX века деду Бориса по материнской линии, раскрыл дверцы и продемонстрировал собственноручно изготовленные машинописные поэтические сборнички. Зачарованный увиденным гость пришёл в восторг и с нескрываемой завистью, оценил: «Здорово! Совсем как настоящие! Мне бы иметь такую книжечку! На что издатель ответил — «Наши желания совпали!!! Давай мне подборку твоих рукописей, либо машинописей, и за мной дело не встанет!»* Высказанное предложение было оценено поэтом. «У него с собой оказался портфель, из которого он извлёк весьма объёмную пачку машинописных листков со своими стихами»**.

Однажды, вскрыв очередную бандероль от Бориса Ивановича, на небольшом пакете читают:

ОТКРЫВАТЬ КРАЙНЕ ОСТОРОЖНО!

Здесь — остатки (в небольших обрывках) — газеты «Кировец» от 13.V.1962 г. [Отписка Б. Тайгина: факт. — 11.V. — С.П.], в которой Николай Рубцов принёс большую машинописную подборку своих стихов и оставил пакет (в этой газете) мне /Боре Тайгину/ для изготовления сборника стихов «Волны и скалы».

К сожалению, пока шла работа по машинописи сборника — газета изрядно потрепалась, но она по-прежнему остаётся абсолютно уникальной, ибо Коля в ней заворачивал свои стихи! Это — единственный в мире предмет (газета), переживший в относительном сохранении — до сего дня, как живая память о вещи, которой владел и пользовался Ник. Рубцов. Б.Т.

Газета «Кировец» — орган четырёх орденоносного Кировского за-

* Тайгин Б. — Першину С. 13 февр. 2007 г.

** Тайгин Б. По горячим следам: дневник писателя. Издаётся с декабря 1990 г. Петербург. [Рукопись]. Тетрадь 1 (1962 г.) С. 18. [Ксерокопия]. Подарена автором С.Першину]. Собр. С. Першина.

вода (Ленинград). Пятница, 11 мая 1962 года. 36 (4938). Цена 1 коп.

На 2-й странице опубликована рецензия доброго товарища Н. Рубцова, поэта и журналиста газеты Валентина Горшкова на спектакль «Здравствуй, Катя!», поставленный на сцене Дворца культуры им. Гааза. На известной фотографии «В редакции «Кировца» Н. Рубцов изображён с членами редакции (слева направо): В. Тресвятский, поэт, З. Барыкова, В. Горшков. В сборник «Волны и скалы» Н. Рубцов включил два стихотворения с посвящением В. Горшкову: Именинику («Твоя любимая уснула...») и «Ты называла солнце блюдом...»***

На 3-й странице газеты имеется надпись «РУБЦОВ» (1,5x8 см), выполненная Б.И. Тайгиным — авторучкой, тёмно-синей пастой, прописным шрифтом, вероятно на свертке с машинописными листами стихотворений, оставленных ему Н. Рубцовым 1 июня 1962 г.

Уникальная, 50-летняя рубцовская реликвия, подаренная мне Б.И. Тайгиным, благоговейно хранится в моём архиве. Полагаю — она займёт подобающее место в экспозиции одного из музеев Н. Рубцова.

ПРЕДТЕЧА «ВОЛН И СКАЛ». Издатель, получив от автора около тридцати машинописных автографов стихотворений, решил составить, «на пробу», предварительный макет будущей книги из двух десятков стихов, в основном морской тематики; отпечатал, сброшюровал, «одел» в цветную обложку, дал своё название «Волна и берег» и «от руки» вывел его на лицевой стороне. Здесь же поместил один из проектов эмблемы издательства «Бэ-Та» (Т — в треугольнике). «Эту книжку «Волна и берег» я успел напечатать между его первым приходом ко мне и следующим! Решил его удивить и показать свои машинописные возможности. Книжку сознательно сделал в ЕДИНСТВЕННОМ экземпляре.

*** Рубцов Н. Волны и скалы. Л.: «Бэ-Та», 1962. (Репринтное издание. 1998 г.) С. 15, 44.

Она долго хранилась в моём архиве. Её на какое-то время выпросил у меня С. Сорокин. Потом (по моей просьбе) её отобрал у Сорокина Алексей Васильевич [Антуфьев. — С.П.] и в середине 1990-х годов передал в музей Ник. Рубцова [Петербург. — С.П.], где она и находится для обозрения, на одном из стендов, под стеклом.* Об этой «сверх-первой» книжке упомянул в своей книге Сергей Сорокин, и тогда сборник приобрёл некоторую известность**.

В очередном письме Борис Иванович дополнил ранее сказанное: «... Это не эмблема, а лишь поиск марки для издательства «Бэ-Та» — рожденного 17 июня 1961 года. Хоть я и напечатал в единственном экземпляре «Волна и берег», однако «Бэ-Та» на нём неставил, а просто отметил «ранним проектом марки», так как НЕ СЧИТАЛ ЭТУ КНИЖКУ СБОРНИКОМ, а лишь ПОКАЗАТЕЛЬНЫМ ОБРАЗЦОМ — персонально для Ник. Рубцова. При второй встрече Николай, с нескрываемым интересом, внимательно ознакомился с предварительным содержанием и любовно разглядывал макет будущей своей первой книги, где стояло его имя — Николай Рубцов. Коля утвердил к изданию, лишь слегка заменил название, придав ему глубинный смысл: волны — волны жизни, скалы — препятствия, на которые натыкаются волны жизни***. Так началось рождение первой рубцовской книги, получившей спустя десятилетия легендарную известность.

История «сверх-первой» книжечки «Волна и берег» поведана мне Борисом Ивановичем в ответ на мою просьбу, так как с начала 2000-х годов, занимаясь сбором и изучением информации о первой книге Н. Рубцова «Волны и скалы», в одной публикации обнаружил, что в самом начале был «какая-то кни-

жечка». После его первого ответа, спросил: «А сохранились ли у него какие-либо сведения о тех 20-ти стихотворениях, включённых им в экспериментальный сборничек, и нет ли эскиза нарисованной им обложки? Если ничего нет, то нельзя ли ему, как «виновнику» создания сей «редкости», попросить работников библиотеки (или музея) снять ксерокопию обложки и, хотя бы, переписать названия стихотворений?». Он кратко ответил, «что ничего нет, так как в том далёком 1962 году я не придал никакого значения этой издательской пробе и, даже, не оставил никакой записи об этом в своём дневнике «По горячим следам» [Выделено С.П.]. Далее Борис Иванович, как внимательный, чуткий, добропорядочный, исполнительный человек, предпринял попытки исполнить просьбу (а заодно, как он написал, и самому узнать), продолжавшиеся 10 месяцев (!), постоянно информируя меня в письмах:

«Относительно попытки попросить на время — (для ксерокопирования обложки и оглавления) — книжки «Волна и берег», я решил отложить это мероприятие на осень, — тогда, когда вернётся «хозяйка» музея Рубцова из «летних каникул».

«Всё о сборнике «В. и берег» и ксерокопию обложки — ОБЕЩАЮ Вам прислать, если МНЕ НЕ ОТКАЖЕТ ОСЕНЬЮ «ХОЗЯЙКА» МУЗЕЯ» [Выделено С.П.].

«Р.С. Относительно уникальной, единственной в природе — брошюре «Волна и берег» — к МОЕЙ полной НЕОЖИДАННОСТИ, возникли сложности, увы... На этих днях думаю поехать в библиотеку, и с Татьяной Алексеевной попробую утрясти вопрос на месте! Но полной гарантии благополучного разрешения вопроса — НЕТ... Мир, и ЛЮДИ в нём, увы — меняются... В следующем моём письме постараюсь подробно затронуть именно этот вопрос!»

«В связи с обострением отношений в библиотеке им. Рубцова, где находится созданный музей, кстати Алексеем Васильевичем [Антуфьевым. — С.П.],

* Тайгин Б. — Першину С. 13 февр. 2007 г.

** Тайгин Б. — Першину С. 9 апр. 2007 г.

*** Тайгин Б. — Першину С. 9 июля 2007 г.

Н. Рубцов в редакции Кировца.

да и я принимал участие. — мне упорно (под разными предлогами) отказываются дать экземпляр сборника «Волна и берег» (изготовленный мной в 1962 году!), находящийся в экспозиции музея — «под семью печатями и пломбами». Но кое-какой выход всё же есть: я созвонился с Сергеем Сорокиным, у которого была эта книжка — перед тем, как её Алексей Васильевич передал в музей. С. Сорокин сделал ксерокопию обложки — (хоть догадался, молодец!), и мне надо будет перекопировать сё.*

Борис Иванович, как обязательный добрый человек, вскоре приспал мне брошию Сергея Вакомина [С. Сорокина — С.П.]. В ней автор пишет: «...за неделю, пока он отсутствовал (Рубцов работал в это время на Кировском заводе), Тайгин попытался составить окончательное представление об авторе оставленных стихов, отобрал наиболее характерные и даже нарисовал незамысловатую обложку в цвете.

* Тайгин Б. Першину С. Письма: 9 апр. 2007 г.; 4-9 июля 2007 г.; 1 сент. 2007 г.; 5 февр. 2008 г.

Включал этот импровизированный сборник двадцать стихотворений, написанных в основном в последние три года. Название не вытаптывалось, но так как в содержании стихов явно превалировала морская тематика, издателю показался заголовок «Волна и берег» более чем подходящим.

Через неделю, как и условились, Рубцов снова был у Тайгина. Он с интересом рассматривал цветную обложку, на которой впервые стояло его имя, что-то прикидывал в уме, перебирая машинописные листы, уже готовые лежать настоящими страницами в настоящую книгу, е г о книгу, занимавшую теперь, кажется, все его мысли**.

Обложка книжечки «Волна и берег» воспроизведена на 147-й странице

** Сергей Вакомин: «Волны и скалы». С. 143-150. // Сергей Вакомин. Самиздат: [Перед первой книгой: «Волны и скалы»; Во имя будущего. (Главы из книги «Ввернутый во мглу или Русский талант»)]. Экз. 2. Подарочный. С. 143-152.

це брошюрок «Самиздат» С. Вакомина, она же помещена в настоящей статье. [Заочно приношу С. Вакомину искреннюю благодарность за сделанное столь доброе дело. — С.П.]

К сожалению, уважаемые читатели, в силу вышеизложенных «обстоятельств» — нет возможности ознакомить вас, хотя бы, с названиями 20-ти стихотворений Н. Рубцова. Зато имеется возможность познакомить со строками, посвящёнными обстоятельствам изготовления «Волн и берега», во многом далёких от истинных событий и, даже, приписывающих Б. И. Тайгину изготовление в 1994 будто-бы ВТОРОГО (!) сборника «Волна и берег». «...И немногие знают, что у этого машинописно-рукописного сборника есть вариант с названием «Волна и берег», предложенный Николаю Рубцову Борисом Тайгиным. В этот сборник вошло 20 стихотворений поэта. Борис Тайгин по своему разумению собрал их в сборник, а так как стихи в основном были о море, то и название дал, не мудрствуя лукаво, «Волна и берег». Николаю Рубцову в таком виде сборник не понравился. Он представлял его иначе и, как мы знаем, сделал по-своему. Если для Б. Тайгина «Волна и берег» — реальные понятия, то для Рубцова «Волны и скалы» — «волны» означают волны жизни, а «скалы» — различные препятствия, на которые человек наталкивается за время своего жизненного пути. Но Тайгину свой вариант сборника нравился, и спустя 32 года, в 1994 году, по дневникам и записям он создаёт снова сборник «Волна и берег». Сейчас этот сборник в экспозиции музея».

Автор сделал «открытие» — сборник «Волны и скалы», оказывается, МАШИНОПИСНО-РУКОПИСНЫЙ!!!

* Абрамова Т.А. Ленинградские автографы Н.М. Рубцова: из фондов Литературного музея «Николай Рубцов: Стихи и судьба» (г. Санкт-Петербург). Мурманск: Книжное изд-во, 2008. С. 22 // Наука и бизнес на Мурмане: научно практический альманах. 2 (65). 2008. — (Рубцовский форум) / Сост. В.Е. Кузнецова.

За истекшие десятилетия всяко его называли, но никто не удосужился именовать таковыми... «Хозяйке» музея Н. Рубцова в Петербурге давно не худо было знать — рубцовский «первенец» 1962 года был МАШИНОПИСНЫЙ!

Борис Иванович Тайгин принадлежал к плеяде «бессребреников, спешивших делать людям добро», а Николай Михайлович Рубцов оставил нам поэтический завет в стихотворении «Русский огонёк» — «За всё добро расплатимся добром...»

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

«ВОЛНЫ И СКАЛЫ» — МАШИНОПИСНЫЙ
«САМИЗДАТ»

И книги, смотря по читателю,
имеют свою судьбу.

Теренциан Мавр

ПРЕДУВЕДОМЛЕНИЕ. Первая книга Н. Рубцова «Волны и скалы» в период 1962-1999 годы издавалась четырежды: дважды непосредственно Б.И. Тайгиным (1962 и 1978) и два раза репринтно в типографии «Любавич» (СПб. 1998, 1999).

Настоящая — часть вторая — логическое продолжение публикации части первой в альманахе «АВТОГРАФ». Большинство фактов и обстоятельств изданий сборника практически незвестны литературоведам, читателям и публикуются впервые по документальным свидетельствам первоиздателя Б.И. Тайгина.

«ВОЛНЫ И СКАЛЫ» — 1962. 4 июня 1962 года Б. Тайгин записал в дневнике: «...Вечером ненадолго зашёл Анатолий Домашев, принёс макет составленной им будущей книжки своих стихов (25 ст-ний), которую я обещал изготовить на моей новой пишущей машинке! Но теперь я думаю сначала сделать книжечку стихов Николая Рубцова <...>... А сейчас надо «ковать железо, пока горячо!» — то есть без промедления начать печатать кни-

жечку, задуманную Николаем Рубцовым, пока он — не дай Бог — не передумал!»* Начался каждодневный, кропотливый издательский труд.

«Наконец, спустя полтора трудных «рабочих» месяца, все 6 книжек лежали на моём письменном столе!!! Гигантский труд был победно закончен! Вечером 13 июля пришёл Николай, увидел эти книжки и был расстроен чрезвычайно. (Так непосредственно и радостно воспринимать дорогие сердцу события — умеют только добрые и честные люди, с большой и светлой душой), — записал в дневнике издатель.**

Почему же отпечатано лишь 6 экземпляров сборника «Волны и скалы»? На мой вопрос Борис Иванович любезно сообщил: «Почему именно 6 экземпляров? Потому, что моя пишущая портативная «GROMA KOLIBRI» даёт лишь 3 качественно-читаемых экземпляров! И были напечатаны две закладки, то есть, два — первых, два — вторых и два третьих экземпляра»***.

В период работы над книгой Николай продемонстрировал своё искусство рисовальщика — авторучкой, синими чернилами нарисовал графический рисунок (проект) для обложки, где изобразил корабль в бурном море. Затем «...пока в июне-июле мною печатался сборник, Коля дома (т.е. в общежитии) рисовал акварелью рыболовецкий траулер и уже в начале июля принёс оба (практически одинаковых!) экземпляра обложки, сделанной на полукартоне. На Колин экземпляр я обложку приkleил. а на свой не успел»****. На них Б. Тайгин «от руки» написал название «Волны и скалы» и тексты: «Николай Рубцов», Ленинград. «Бэ-Та». 1962. На остальные че-

* Тайгин Б. По горячим следам: дневник писателя. Издаётся с декабря 1990 г. Петербург. [Рукопись]. Тетрадь 1 (1962 г.) С. 18. [Ксерокопия]. Подарена автором С. Першину]. Собр. С. Першина.

** Тайгин Б. Там же. С. 19.

*** Тайгин Б. — Першину С. 11 дек. 1998 г. Собр. С. Першина.

**** Тайгин Б. — Першину С. 5 сент. 2007 г. Собр. С. Першина.

тыре обложки — без рисунков — тексты отпечатал на машинке.

Поэт и издатель «распределили» 6 экземпляров книги для подарков своим друзьям-товарищам. Тайгин сообщил мне — кому они решили подарить первую книгу Н. Рубцова.

«Первая закладка:

1. Собственность Ник. Рубцова (Обложка с акварельным рисунком).

2. Подарен Колей — Глебу Горбовскому.

3. Подарен Колей — М.И. Лагуновой (его бывшей преподавательнице в Хибиногорском техникуме).

Вторая закладка:

4. Подарен Колей — мне! (Обложка с акварельным рисунком).

Автограф: «Удивительному человеку, влюблённому в поэзию и бескорыстно делающему великое дело — Боре Тайгину — с бесконечной благодарностью...»

Ленинград. 13/VII. 1962 г. Н. Рубцов.

5. Экземпляр отдан мною — Коле, а он подарил Г. В. Мельникову.

6. Подарен мною — Константину Кузьминскому.

К сожалению, свой ответный автограф Николаю я тогда не зафиксировал... И сегодня, конечно, дословно уже не помню. А выдумывать — не в моих правилах... В обозримом будущем «выплывет» на свет Божий утерянный Колин экземпляр, и можно будет прочитать текст моего автографа»*****.

Н. Рубцов посвятил свою первую книгу преподавателю русского языка и литературы Хибиногорского горного техникума Маргарите Ивановне Лагуновой и, один экземпляр хотел ей подарить. Однако, он не выполнил своего желания: о посвящении она узнала лишь в начале 2000-х годов и тогда же стала обладательницей сборника «Волны и скалы» в репринтном исполнении 1999 года (где посвящение не воспроизведено). М.И. Лагунова сообщает в письме: «Она [В.Д. Зинченко. — С.П.] написала мне <...>, что Рубцов посвя-

***** Тайгин Б. — Першину С. 11 дек. 1998 г.; 1 сент. 2007 г. Собр. С. Першина.

тил мне свой первый (рукописный) сборник «Волны и скалы» [машинописный. — С.П.], <...>. Для меня это было неожиданностью. Я восприняла это как важное событие в моей жизни, как знак признания, что ему запомнился техникум, уроки литературы...»*

За два дня до окончания работы над книгой, Н. Рубцов внёс последнее изменение — разбил 38 стихов на восемь отдельных циклов. Почему? Борис Иванович сообщил, что в период работы над сборником «Коля долго штудировал мою ПЕРВУЮ машинописную книжечку «Под сурдинку», изданную в 1961 году, и, конечно — кое-какие издательские моменты оценил и перенял. Кстати — стихи в сборнике «Под сурдинку» распределены по циклам!**

АВТОРСКИЙ ЭКЗЕМПЛЯР Н. РУБЦОВА. В некоторых изданиях изредка появляются небольшие, достаточно странные, и на первый взгляд — искледые, неопределённые публикации о книге «Волны и скалы» — полутипографская, или «...сборник стихотворений Н. Рубцова «Волны и скалы», напечатанный, в отличие от прочих изданий [Б. Тайгина. — С.П.], с помошью типографских литер...»***

На просьбу прокомментировать публикации о «полутипографском» издании, Борис Иванович любезно ответил в нескольких письмах и, даже, прислал мне образцы типографских литер, использовавшихся при оформлении единственного авторского экземпляра: «...один ИЗ СБОРНИКОВ (ЭКЗЕМПЛЯР I), подаренный мною Николаю, действительно имел в нескольких местах типографский шрифт! А имен-

* По восп. М.И. Лагуновой (из письма) // М. Полётова. Душа хранит... — М.: Молодая гвардия, 2009. — С.52.

** Тайгин Б. — Першину С. 4-9 июля 2007 г. Собр. С. Першина.

*** Самиздат Ленинграда 1950-х — 1980-х. (Литературная энциклопедия) / Сост. В. Долин, Б. Останин, Б. Иванов, Д. Северюхин. — М.: Новое Литературное Обозрение, 2003. — С. 340-341.

но: титульный лист; заглавия стихов и звёздочки; названия циклов; часть выходных данных. В сочетании со шрифтом моей машинки, книжка производила вполне «типографский» вид! Да сцё номера страниц были набраны косыми типографскими литерами, да ещё красной краской! Да в художественной цветной обложке из полукартона с акварельным рисунком, выполненным Рубцовым. Вот такой был создан — ЕДИНСТВЕННЫЙ — уникальный экземпляр! Конечно, Коля — тогда, в далёком 1962-ом — получив такую книжку, пришёл в восторг! Этую книжку, в период учёбы Коли в Лит. институте, видели многие, ибо он практически всегда носил её с собой и, при случае, с гордостью демонстрировал тем, кому считал нужным! Вот так и родилась легенда об этой «полутипографской» книжке» <...> «...О типографских оттисках на «Волнах и скалах», сделанных специально для Николая, на ЕДИНСТВЕННОМ экземпляре: типографские литеры где-то — (через Григория Ковалёва) — доспал ленинградский поэт Костя Кузминский. Я же лишь на некоторое время позаимствовал их — для оттисков заглавий стихов, заглавий циклов, «звёздочек», где нет заглавий, а также страниц! Как это практически делалось: на обычную штемпельную подушку намазывалась чёрная типографская краска. Бралась нужная литера, слегка прижималась к подушке с краской, затем прикладывалась к высокой деревянной линейке, и литера лёгким прижатием к листу бумаги наносила в нужном месте оттиск!» <...> «Я тут у себя нашёл литеры свинцовые, которыми (в числе многих других) пользовался при изготовлении единственного уникального экземпляра «Волны и скалы» — для Николая Рубцова! Парочку из них рискнул послать Вам в бандероли — для интереса, а также представления, как всё и чем всё делалось! Естественно, труд был каторжным, поэтому сей опыт был — един-

ствениный, и более мной никогда не повторялся*.

Этот уникальный экземпляр Н. Рубцов предъявил членам приёмной комиссии при сдаче экзаменов в Литературный институт в конце августа 1962 года. Они просмотрели его, а поэт прочитал несколько стихов. По возвращении из Москвы Н. Рубцов 4 сентября 1962 года посетил Б. Тайгина. «Думаю, — сказал Николай, — что книжка эта явилась для меня как бы счастливым талисманом! Всегда буду хранить её, как самое дорогое, заветное...»**

Не сохранил... Рубцовский экземпляр был автором утерян в 1963-1964 годах. На первом курсе Николай показывал его Валентину Сафонову; летом 1963 года книжку «умыкнул» для знакомства сокурсник Эдуард Крылов, но затем стало совестно — и вернул. Возможно, когда-нибудь кто-либо из читателей, по сообщённым приметам, отыщет этот рубцовской раритет...

«ВОЛНЫ И СКАЛЫ» — 1978. Первоиздатель сборника вспоминает: «Итак — ШЕСТЬ экземпляров книги изготовлены — СОВМЕСТНО С АВТОРОМ! — т.е. под руководством Коли — 13 июля 1962 г. (Четыре отданы Коле, а два оставлены для меня).

ПРИМЕЧАНИЕ: С экземпляра, который я подарил К. Кузьминскому, он на своей пишущей машинке — скопировал ПЯТЬ экземпляров сборника, но к МОЕМУ выпуску «Бэ-Та» — эти книжки никакого отношения не имеют! Уточнить КОГДА ИМЕННО Костя трудился над перепечатыванием своих пяти экземпляров копий «Волны и скалы», я затрудняюсь. Вероятно, откладывать это желание он вряд ли стал?! Очень ему хотелось (для своих друзей?) иметь несколько сборников!

Следовательно, с 13-го июля 1962 по 17-е июля 1978 — существовало ШЕСТЬ первично-изданных экзем-

пляров сборников «Волны и скалы».

... Летом 1978-го я получаю из Вологды письмо от журналиста Василия Оботурова — с просьбой скопировать для него сборник «Волны и скалы», т.к. он пишет книгу о Николае Рубцове и хотел бы рассказать — в числе многих-многих биографических фактах из жизни Ник. Рубцова — и о рождении этой легендарной книги!!! Тогда я сел за пиш. машинку и РЕПРИНТНО скопировал с последнего оригинала-макета, использованного при печати в 1962 году 6-ти экземпляров, одну закладку — три книжечки: главное — наконец-то ВОССТАНОВИЛ для себя экземпляр, взамен когда-то украденного, правда — увы, уже без Колиного автографа. Оригинал, то есть 1-й экз. оставил себе — благо, обложка моего экземпляра 1962 года сохранилась. «Статус-кво» был восстановлен... Второй экземпляр, разумеется, послал 19 июля 1978 года Вас. Оботурову в Вологду, а третий подарил моему московскому другу, поэту Юрию Паркаеву. Это — неожиданно-дополнительное издание было осуществлено мною в июле 1978, так что теперь, на 1978-й год, — спустя долгих 16 лет, сборников «Волны и скалы», изданных «Бэ-Та», становится уже не шесть, а ДЕВЯТЬ!***

На экземпляре Вас. Оботурова известный писатель-вологжанин Василий Белов сделал надпись: «Требуется переиздать миллионным тиражом! 11 ноября 1981 г. Вас. Белов»****.

Борис Иванович сообщил любопытную подробность: «Подлинная цветная обложка для сборника, запасной рисунок работы Н. Рубцова, так и не попавший на книжку в 1962 году, в 1978 году использован мной на повторной машинописной копии!*****

*** Тайгин Б. — Першину С. 1,3 сент. 2007 г. Собр. С. Першина.

**** Белков В. Из новой книги // Вперёд. Устюженка (Вологд. обл.). 1994. 6 авг. (В мире Рубцова. Литприложение. [10]). — С. 4; Тайгин Б. — Першину С. 12 окт. 1998 г. Собр. С. Першина.

***** Тайгин Б. — Там же.

* Тайгин Б. — Першину С. Письма 2004 года: 24 июля, 16 сент., 11 нояб. Собр. С. Першина.

** Тайгин Б. Указ. соч. (п. I). С. 20.

Такова, достаточно поучительная (как надо делать добро!), история двух тиражей первой книги Н. Рубцова, выполненных Борисом Ивановичем Тайгиным в издательстве «Бэ-Та».

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ «ВОЛНЫ И СКАЛЫ» — РЕПРИНТНЫЕ ИЗДАНИЯ

Книгу «Волны и скалы» мечтал отыскать и издать давно. И, как видите, задуманное осуществилось... Я считаю это самым большим делом моей жизни, что я смог сделать для моего земляка, его памяти...

Алексей Антуфьев

«ВОЛНЫ И СКАЛЫ» — 1998. За прошедшие десятилетия, к концу XX века, первая книга Н. Рубцова стала таинственной книжной легендой.

Б. И. Тайгин пишет: «Поскольку в июле 1962 года было всё же издано целых 6 экземпляров книжек «Волны и скалы», а стихи там были — по тому времени — слишком актуальны и смелы, то естественно, стихи эти стали переписываться и размножаться многими любителями поэзии, однако при этом, к сожалению, постоянно множились ошибки при перепечатывании, опечатки при очередной машинописи и, кроме того, были даже соизнательные «творческие» переделки авторского текста...

Нашлись даже горе-публикаторы, которые — уже в 1970-е годы — не за ручившись у первоиздателя разрешением на право тиражирования сборника, хранящего ПОДЛИННЫЙ экземпляр 1962 года, и наплевав на сверку и уточнение своих «копий», стали пиратскими способами тиражировать этот сборник, фактически уже весьма далёкий от оригинала — со множеством диких искажений, чем нанесли трудно-правимый вред, как ценителям поэзии Николая Рубцова, так и де-

зориентировали литературоведов, изучающих начальный период творческого наследия поэта... <...>. Именно это подсказало мне СВОЕВРЕМЕННУЮ НЕОБХОДИМОСТЬ публикации сборника, предельно приближённого к репринтному варианту»*.

«В 1997 году А. Ф. Храмутичеву, бывшему морскому офицеру — инженеру электронщику, работавшему на заводе «Арсенал», литератору-поэту, познакомившемся со сборником «Волны и скалы», что я давал ему про честь — приходит в голову мысль: попытаться издать типографически эту книгу (благо связи у него есть). Я ему передаю свой машинописный экземпляр, оформляем заказ, вносим предоплату и он (в заводской типографии) осуществляет набор текста и тиражирует. <...>. В то время я уже знал Алексея Васильевича Антуфьева»**.

Алексей Васильевич Антуфьев, вспоминает: «Наша первая встреча с Борисом Тайгиным произошла поздним осенним вечером 1995 года в ДК «Гавань» на Большом проспекте Васильевского острова»***. Итак, появился ещё один «бессребренник, спешащий делать добро...» Позднее Борис Иванович с душевной теплотой отзывался о нём: «Мой друг — Алексей Васильевич Антуфьев — кому мы все обязаны второму рождению первого — легендарного! — сборника стихов Н. Рубцова «Волны и скалы»... Именно его стараниями он был недавно издан по машинописному оригиналу, хранившемуся у меня 36 лет!»****

* Отрывок из предисловия Б. Тайгина к репринтному изданию сборника стихов Ник. Рубцова «Волны и скалы», изъятый из чистового оригинал макета. [Ксерокопия рукописи]. Собр. С. Першина.

** Тайгин Б. — Першину С. 1 сент. 2007 г. Собр. С. Першина.

*** Антуфьев А.В. «И легендарный Борис Тайгин...». С.-Пб.: Библиотека им. Н. Рубцова: Литературный музей «Н. Рубцов: Стихи и судьба», 2003. — С. 56 // «И буду жить в своём народе...»: сборник.

**** Тайгин Б. — Першину С. Письма 1998 г.: 7 июля; 12 окт. Собр. С Першина.

Кто же он — Алексей Антуфьев?
Предоставим слово ему самому:

«Теперь немного о себе, для первого, вернее уже второго знакомства нашего, хотя и заочного: Антуфьев Алексей Васильевич, 1.9.45 г.р., жил в той самой Николе, где воспитывался Рубцов, учился в той же школе начальной, затем семилетней, жил в том же детском доме, что и Н. Рубцов (он потом был интернатом для школьников отдаленных деревень), до 1964 года, осени. Встречался с ним не один раз, т.к. работал киномехаником в клубе, а жена Николая тогда работала завклубом (Гета Меньшикова), бывал я в гости у них дома, но встречи, конечно, были не те, какими они сейчас представляются. Просто знакомые люди, живущие в одном селе. Материалы о поэте, его стихи стал собирать преимущественно с конца 60-х. Почти все, что было собрано, а собрано было немало, подарил музею поэта в с. Никольском, в том числе ручку, которой он написал некоторые стихи своего первенца «Волны и скалы», любезно подаренную его издателем Борисом Ивановичем Тайгиным. [Это чернильная авторучка Б. Тайгина. — С. П.]. Отыскал много знакомых, знавших Рубцова при жизни. В общем, я фанат этого дела; жена считает «ненормальным», мол, ты «чокнулся» с этим Рубцовым. А для меня — это всё!»

Книгу «Волны и скалы» мечтал отыскать и издать давно, но вот судьба свела с Б. И. Тайгиным и, как видите, задуманное осуществилось: материал его, а финансами — мои, результат — книга!!! Я считаю это самым большим делом моей жизни, что я смог сделать для моего земляка, его памяти...*

Его друг, Борис Иванович Тайгин, в письме ко мне с огромной симпатией отозвался о нём: «Я говорю Алексею, что, совершив это историческое святое дело (издание сборника «Волны и скалы»), он заслуживает прижизненный памятник из чистого золота! Он, ве-

ликий, скромник — только улыбается и машет рукой! Есть же на свете воистину удивительные люди!»**

В правдивости слов Бориса Ивановича о скромности Алексея Васильевича, я вскоре убедился, читая очередное его письмо ко мне: «Я не приемлю того, чтобы как-то приписать себя к имени великого Рубцова. Считаю, что я делаю своё любимое дело, и этим счастлив. Это дело моей жизни, я руководствуюсь принципом, что если не я, то кто это сделает? Уходит время, уходят люди, те, кто знал поэта. Ещё есть возможности что-то уснуть спасти, найти какие-то документы, материалы, фотографии, письма, воспоминания. Я считаю, что любая, даже самая маленькая информация о том, что связано с именем поэта, должна быть в музее, это История! Поэтому делаю своё дело, не оглядываясь на то, а будет моё имя там или нет?, не думая о материальных благах, хотя это порой сдерживает поиск и воплощение в жизнь задуманного. Не жду пресловутых спонсоров, так как попытки привлечь убогих «новых русских» в это дело — с треском провалились***.

В типографии «Любавич» под присмотром технического редактора А. Ф. Храмутичева, в соответствии с заказом 878, подписанного «К печати» 24 апреля 1998 года, отпечатали 200 номерованных экземпляров в полном соответствии с текстом и макетом оригинала машинописного сборника 1962 года, т.е. — репринтно, но типографским шрифтом. Первоиздатель — Б. И. Тайгин — дополнитель но включил различный информационный материал:

1. Два слова от издателя. Октябрь, 1997. Петербург. Борис Тайгин. С. 3.

2. Часть вторая. ПРИЛОЖЕНИЕ к сборнику стихов Николая Рубцо-

** Тайгин Б. — Першину С. 11 лек. 1998 г. Собр. С. Першина.

*** Антуфьев А. Отрывок из письма // Перечитывая письма родственной души / Сост. и публ. С. Першина. — Дзержинск (Нижегород. обл.), 2007. — С. 6. — (Светлой памяти А.В. Антуфьева (1945-2007).

* Антуфьев А. — Першину С. 12 окт. 1998 г. Собр. С. Першина.

ва «Волны и скалы», написанное из-
дателем сборника: Борис Тайгин. Ле-
нинградский год Николая Рубцова:
страницы воспоминаний. Ленинград
июнь · 1974. С. 54-63.

3. Алексей Антуфьев. Вместо по-
слесловия. Октябрь 1997. Петербург.
С. 64.

На обложке чёрно-белая иллюстра-
ция, на ней воспроизведён акварель-
ный рисунок, выполненный Н. Руб-
цовым в 1962 году на полукартоне 2-х
художественных обложек для сбор-
ников, предназначавшихся — автору
и издателю.

На левом форзаце обложки
размешён фотопортрет Н. М. Рубцова
в бескозырке и военно-морской фор-
ме. Надпись: Николай Рубцов. Север-
ный флот. 1956 г.

Естественно, я не мог не полюбопытствовать у Бориса Ивановича — «Что за фото? и Почему?» он сполна удовлетворил мою любознательность: «Относительно фотографии Ник. Рубцова (в матросской форме, 1956 г.) — в сборнике, то это была инициатива Алексея [Антуфьева. — С.П.]: он достал где-то «морскую» фотокарточку Коли и убедил меня в том, что она бесспорно подходит циклу «САЛЮТ МОРИО», и надо это сочетание использовать. Так и решили! А в моём машинописном издании никакой фотографии не было»*.

На правом форзаце обложки напечатано «Приложение к страницам воспоминаний [Б.И. Тайгина. — С.П.] — копия приглашения на «Вечер молодых поэтов Ленинграда» в Доме писателей им. Маяковского: Среда, 24 января 1962 года, где с чтением стихов выступал Николай Рубцов (как представитель лтобъединения «Нарвская застава»). На этом поэтическом вечере Борис Тайгин впервые увидел Николая Рубцова и прослушал его стихи, так понравившиеся ему. Воспроизведены развороты лицевой и внутренней сторон приглашения.

* Тайгин Б. — Першину С. 17 марта 2007 г. Собр. С. Першина.

Репринтное издание предполагалось «одеть» в суперобложку. (Первое издание 1962 года отпечатано без оной). Однако, по разным причинам это не удалось осуществить в полной мере. Б.И. Тайгин раскрыл «тайну»: «... Суперобложка (цветная, двусторонняя) была заказана в той же типографии, где и печатался тираж — 200 номерованных сборников. Сделали пробных оттисков — 20 штук, но дальше дело не пошло. Во-первых — брак: несовпадение сторон — изображения траулера и фотопортрета — при попытке их надеть на обложку книга, да и удорожание могло быть весьма ощутимое... Решили от суперобложки отказаться. Я тогда получил 5 штук. Кто и куда дел остальные, мне неизвестно...»

Несмотря на мизерный тираж — 5!!! экземпляров, «одетых» в цветную художественную суперобложку,лагаю — для истории и читателей необходимо рассказать о её особенностях.

Мой экземпляр 150 имеет суперобложку. Она, вероятно, из 5-ти, предоставленных типографией Б.И. Тайгина, из числа 20-ти бракованных. Этот экземпляр — подарок мне от А.В. Антуфьева и Б.И. Тайгина без дарственной надписи (7 июля 1998 г.). На мою просьбу, поставить автографы (как издателей) получил ответ: «По поводу наших с Алексеем, предложенных Вами, автографов на книжке «Волны и скалы», должны сказать следующее: по нашему мнению — мы не имеем морального права на это, ибо автор сборника — Николай Рубцов! И только он мог бы что-либо написать на титульном листе! А поскольку переиздание — посмертное, то титульный лист должен остаться неприкосновенным! Уж извините нас за категоричность в этом вопросе»***. Я благодарен моим питерским друзьям за столь

** Тайгин Б. — Першину С. Письма 2007 г. 4-9 июля; 3 сент. Собр. С. Першина.

*** Тайгин Б. — Першину С. 12 окт. 1998. Собр. С. Першина.

поучительный ответ, что, несомненно, свидетельствует — это были истинно добродорядочные русские люди.

На лицевой стороне репринтно («в цвете») воспроизведён акварельный рисунок Н. Рубцова (1962 г.). Однако имеются отличия в шрифтах надписей — на суперобложке тексты: «Николай Рубцов. Ленинград. «Бэ-Та». 1962» — воспроизведены с оригинала рисунка, где они были выполнены Борисом Тайгиным «от руки» на белом фоне прямоугольных карт; на обложке аналогичные тексты отпечатаны обычным типографским шрифтом.

На левом форзаце — фотопортрет поэта (как на обложке). Имеется клапан (1 см), огибающий вертикальный обрез обложки.

Правая сторона суперобложки смонтирована из двух элементов: на белой картографической бумаге (примерно 240 г/м²) напечатано «ПРИЛОЖЕНИЕ...» (как на правом форзаце обложки) и она наклеена на внутреннюю правую сторону суперобложки с образованием клапана шириной 4,5 см, со срезанными косыми углами. После этой операции суперобложка хорошо одевается и держится на обложке.

По словам А. Антуфьева и Б. Тайги на 200 экземпляров книги разошлись за две недели и стали большой библиографической редкостью, а в суперобложке — уникальными раритетами, практически ненаходимыми...

«ВОЛНЫ И СКАЛЫ» — 1999. «Однажды получаю от А. В. Антуфьева бандероль с дюжиной экземпляров повторного издания сборника «Волны и скалы» (тираж 1300 экз.). Как библиофилу мне было крайне любопытно знать историю издания повторного выпуска и моё любопытство было удовлетворено сполна: «Волны и скалы» (повторный тираж). История банальная, как на Руси! Всё решает «авось» и «случай». Ехал в поезде «Петербург-Вологда». Разговорились в купе с соседями. Ехала женщина с Вологодчиной, заинтересовалась Рубцовым. Я ей подарил «Волны и скалы». Сосед проявил интерес. Он ехал до

Череповца, сам вологжанин. Оставил свой телефон и попросил позвонить ему через неделю в Петербург. Я, конечно, постеснялся и позвонил через месяц. Получил упрёк и приглашение на встречу. Он (Сергей Копылов) привёл меня в типографию, где были изданы первые 200 экз., пригласил редактора или завтипографией и сказал: «Сколько нужно денег, чтобы издать повторный тираж в 1000 штук?». Это тогда стоило 6000 рублей. Он отдал их и сказал, чтобы весь тираж отдали мне. Вот такова история. Весь тираж ушёл по музеям, библиотекам и в качестве подарков». Осталось у меня несколько десятков, но по осени несколько штук Вам вышлю (на зимние Чтения)*.

Итак,уважаемый читатель, — это повторный выпуск сборника «Волны и скалы» 1999 года, своеобразное стереотипное издание, выполненное с использованием набора 1998 года. Об этом свидетельствуют: номер заказа 878 (типографский шрифт, а в тираже 1998 года — «от руки»; количество печатных листов 4,25 (типографский шрифт, а в тираже 1998 г. — «от руки»). Тираж с 200 экз. увеличен до 1300. В издании 1999 года отсутствует указание на технического редактора А. Ф. Храмутичева. Сохранены даты: сдано в набор 13 ноября 1997; подписано к печати 24 апреля 1998. В выходных данных: Издательство «Бэ-Та». СПб. 1999. Отпечатано в типографии «Любавич». На 2-й странице вместо текста: «Тираж — 200 нумерованных экземпляров. Экземпляр », указан другой текст: «ПОВТОРНЫЙ тираж — по разрешению издательства «Бэ-Та» — в количестве 1300 экземпляров осуществлён Алексеем АНТУФЬЕВЫМ».

Два репринтных выпуска книги Николая Рубцова «Волны и скалы» издательства «Бэ-Та» напечатаны общим тиражом 1500 экземпляров.

Составление и публикация
С. Першина

* Антуфьев А. Указ. соч. (п. 7). С. 10.

ПОЭЗИЯ НИКОЛАЯ РУБЦОВА В МИНИАТЮРНЫХ ИЗДАНИЯХ (1972-2006)

*Когда под гнётом тяжкого застоя
печальным стало Родины лицо,
когда в стране забылось всё святое, —
пришёл в её поэзию Рубцов...*

Александр Колесов *

Честно признаюсь, с детских лет я испытывал неописуемый восторг, когда видел миниатюрные издания в книжных магазинах. Я понимал, что передо мной не игрушки и не уменьшенные копии книг. Нет, это были настоящие, изящно изданные книги, живущие по своим законам и правилам. Прошли годы. И пусть я не стал собирателем миниатюрных изданий, но любовь к миниатюрной книге сохранил на всю жизнь. Вспоминаю даже такой забавный эпизод из своей жизни. Перед сдачей экзаменов в школе и институте я, как и все школьники и студенты, готовил шпаргалки. Правда делал их не в виде рулончиков или отдельных маленьких листочек, а из тетрадных страниц, придавая им форму миниатюрной книги. На всех экзаменах книжечка с ответами на вопросы экзаменационных билетов лежала у меня во внутреннем кармане пиджака, хотя я ни разу ей и не воспользовался. Просто написанное лучше запоминается, чем прочитанное.

И вот теперь, когда я познакомился и, как мне кажется, стал по-настоящему понимать творчество великого русского поэта Николая Рубцова, само собой меня не могли не заинтересовать миниатюрные издания стихотворений. Совершенно по-иному я увидел некоторые его стихотворения, обнаружил более чёткую прорисовку деталей. Повторюсь, но многие, казалось бы, самые безобидные стихи поэта, вдруг стали неким подобием «ситечка для чая», из которого закапало то, что было скрыто за строками и между ними.

* Колесов Александр Сергеевич. р. 1935 г. Нижегородский поэт, журналист. Стихотворение «Рубцов», 1991.

Так что же всё-таки представляется из себя миниатюрная книга? Таковой считается книга, если размеры титульного листа не превышают 100x100 мм (первая цифра — высота, вторая — ширина).

При жизни Николая Рубцова ни одна из его книг не выходила в миниатюрном формате. Какие там могли быть изыски в то нелёгкое для поэта время...

Лишь через год после трагического ухода поэта, пермские издатели отважились включить лирическое произведение Н. М. Рубцова «Памяти матери» (без названия) по первой строке «Вот он и кончился, покой!» в коллективный мини-сборник «Стихи о матери» (75x59).

*...Сижу среди своих стихов,
Бумаг и хлама.
А где-то есть во мгле снегов
Могила мамы...*

Такое горькое откровение поэта напечатано пермяками в своём издании в 1972 году. МАМА, это для неё маленький Коля тайком выращивал цветы на дальнем конце огорода. Прежде временный уход мамы в 1942 году — са-

мая большая утрата в жизни Николая Рубцова, определившая всю его дальнейшую судьбу.

А пермяки и сейчас продолжают удерживать пальму первенства по числу миниатюрных книг, куда включают стихи Николая Рубцова.

В Перми в 1992 году издана поистине уникальная «жемчужина» — альбомчик «Золотые строки: Русская поэтическая миниатюра» (46x62). Это «маленькие шедевры русской лирики», отлитые 51 мастером поэтического слова России на протяжении XVIII — XX веков, начиная с великого Михаила Ломоносова и заканчивая Николаем Рубцовым. Его четырёхстишие «Пушкин» завершает поэтическую антологию:

*Словно зеркало русской стихии,
Отстояв назначенье своё,
Отразил он всю душу России!
И погиб, отражая её...*

Заслуживает восхищения оформление книжечки: прекрасный, ласкающий глаз светло-бежевый цвет переплёта с золотым тиснением, золотистый верхний надстрочный орнамент, изумительные ксилографии художника Н. Калиты. Воистину посчастливилось лирическим строкам Николая Рубцова!

Однако прошло более полутора десятка лет после «первенца», прежде чем увидел «свет» самостоятельный миниатюрный сборник стихов великого русского поэта. Оуществлена эта публикация журналом «Полиграфия», который, начиная с 1987 года, ежемесячно печатал в качестве приложений вкладные листы с текстами: при выполнении переплётных работ создавались мини-книжечки. В октябрьском номере за 1988 год впервые в миниатюрном формате издан рубцовский томик — Николай Рубцов. Стихи: Библиотечка журнала «Полиграфия» (68x47). 64 с.

В сборнике 44 стихотворения, однако, в оглавлении указано отсутствующее «На реке» (с. 61), а первое, открывшее изящную книжечку,

вызывает недоумение и досаду на редакцию журнала, сделавшую «первый блин комом» — не указано название «На noctilеге» и пропущены первые две строфы:

*Лошадь белая в поле тёмном.
Воет ветер, бурлит овраг,
Светит лампа в избе укромной,
Освещая осенний мрак.*

*Подмерзая, мерцают лужи...
«Что ж, — подумал, — зайду давай?»
Посмотрел, покурил, послушал
И ответил мне: — Ночевай!*

Текст иллюстрирован пятью гравюрами Владислава Сергеева и Андрея Ушина и портретом поэта, по воле переплётчика украшающего переплёт или суперобложку. Заканчивается малярка стихотворением «Сентябрь»:

*Слава тебе поднебесный
Радостный, краткий покой!...*

Журнал «Полиграфия» впервые в практике современных отечественных издателей, предоставил право «доморощенным» издательствам на коммерческой основе использовать журнальные тексты для самостоятельного набора или готовые фотоформы. Рассматривая известные издания «Стихов» Н. Рубцова, так называемые «новоделья», сохраняющие первоначальный текст 1988 года, но имеющие различные полиграфические отклонения от оригинала, представляется возможным отнести их к самостоятельным изданиям. Таковых выявлено четыре: Москва, 1990 г. тираж 250000 экз.; Новосибирск, 1990 г. — 100 экз.; Ярославль, 1990 г. — 3000 экз.; Вологда, 1995 г. (?) — 100 экз. (сведения неофициальные). Общий тираж перечисленных изданий «Библиотечки журнала «Полиграфия» — 274850 экз. Следует отметить вологодское издание, выпущенное Областной универсальной научной библиотекой имени И. В. Бабушкина. Оно посвящено 60-летию со дня рождения поэта, со-

держит 68 страниц, воспроизведён второй портрет Н. Рубцова работы художника Н. Калиты.

Журнал «Полиграфия» в 1991 году издал миниатюрный фотоальбом «Российский север» (94x62). В прекрасно оформленном альбоме представлены конкурсные работы вологодских фотохудожников, земляков Николая Рубцова. Книга открывается стихотворением «Душа хранит»:

*Вода недвижнее стекла.
И в глубине её светло.
И только щука, как стрела,
Пронзает водное стекло...*

«Душа хранит» — пожалуй, самое любимое моё стихотворение. Удивительно, как поэт смог в таком малом количестве строк соединить прекрасную пейзажную зарисовку с глубочайшей философией и выразить свою любовь к Родине и Богу. И что самое важное: не сказал «Я», предоставив читателю возможность додумать, дочувствовать. Как, скажем, в лучших образцах японской классической поэзии. Являясь большим почитателем последней, я часто сравниваю Николая Рубцова с великим Мацуо Басё. Не по литературным трудам, конечно, а по образу жизни. Оба — вечные странники, блаженные, не имевшие за ду-

шой ничего, кроме свободы. Ни денег, ни жилья... Выживали благодаря помощи добрых людей, знакомых и друзей. Их звали и гнали, уважали и боялись, восхищались ими и лютко ненавидели. Но и те, и другие отдавали им дань за талант, признавая в них гениев. Даже сборнички стихов Николая Рубцова и японской поэзии из библиотечки журнала «Полиграфия» стоят у меня на книжной полке рядом.

И что, на мой субъективный взгляд, самое важное. Журнал «Полиграфия» дал людям ту редчайшую возможность не просто стать обладателями миниатюрных книг, но и приобщиться к самому процессу книгоиздания.

Мне приятно держать миниатюрные книги Николая Рубцова в руках. Приятно ощущать, как покалывают они ладонь всеми четырьмя острыми краешками. Кажется, что поэт становится тебе особенно близок и понятен. И радости, и горести его ощущаешь, как свои собственные. «Миниатюрная Рубцовиана» насчитывает около полуторы различных изданий.

Я с глубоким уважением отношусь к собирателям и знатокам творчества Николая Рубцова, которые, как любящие родители, знают каждую «родинку» во всех книгах своего кумира и свято берегут память великого русского поэта.

Особую гордость я испытываю от того, что являюсь обладателем редчайшего раритета — «Нижегородского венка Рубцову». Испытываю гордость за своих земляков, которые безвозмездно отдали дань памяти величайшему поэту России. «Нижегородский венок Рубцову» (95x72), изданный библиофилами Черноречья, был представлен читателям 31 июля 1994 года в Варнавино (Нижегородская обл.), где состоялся «Рубцовский праздник поэзии», приуроченный к 25-летию посещения Нижегородчины Николаем Рубцовым.

Книжечка — первая попытка в России создать «Венок поэту». книгу лирики и прозы, фрагментов публикаций в периодической печати и реклам-

ных изданиях, посвящённых Н. Рубцову и опубликованных в Нижегородском крае. Среди авторов — Александр Сизов (1949-1997), студенческий товарищ Николая Рубцова по Литинституту, принимавший поэта на своей родине, на Ветлуге в 1969 году. Он представлен фрагментами из воспоминаний «Рубцов на Ветлуге» и впервые опубликованном стихотворением «Осень на Сухонской переправе», посвящённом безвременно ушедшему от нас ПОЭТУ.

Личь улетела, паромщика нет.
Или в Николу под вечер, во мрак
Перебирается сирый поэт.
Вот он сидит среди ив и ухаб,
Маятно курит, разводит костёр,
В старом пальтишке, должно быть,
о зяб,
Взгляд же, как прежде,
тревожно — остёр.
Думы о жизни...

Фронтиспис «Венка...» оформлен портретом Н. Рубцова (1994 г.) работы местного художника В. И. Дятлова в натуральную величину. Книга выпущена общим тиражом 250 экземпляров, из них 200 одеты в картонажную обложку, остальные — в твёрдый переплёт, причём 13 из них имеют и обложку, и переплёт.

Одним из составителей сборничка был Дмитрий Александрович Ширяев (1950-2010), основатель музея Николая Рубцова в Дзержинске. Его личное собрание, подаренное городу и всем почитателям творчества Николая Рубцова, составило костяк музея. Очень жаль, но жизнь Дмитрия Александровича трагически оборвалась. Но осталось его детище и его строки, посвящённые Крупнейшему исследователю жизни и творчества Н. Рубцова, вологжанину Вячеславу Сергеевичу Белкову (1952-2006), опубликованные в книжечке на 18-ой странице:

Листаю жадно
Книги в магазине,

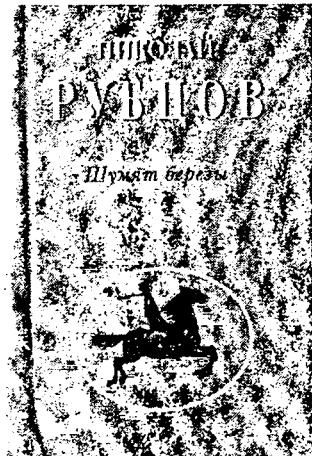

Опять ищу в них
Дорогое имя —
Я «эр» ищу
В начале главных слов.
И там,
Где обнаружу вдруг —
«Россия».
Ищу синоним родины —
«Рубцов».

Как же обстоят дела с выпуском книжек-малышек со стихами Николая Рубцова в наше, новейшее время? В 2002 году в издательстве «Художественная литература» выходит миниатюрный сборник стихов Николая Рубцова «Шумят берёзы» (96x67). Книга одета в суперобложку и иллюстрирована графикой художника Юрия Коннова. Открывается томик ранним произведением «Деревенские ночи», а заканчивается стихотворением «Встреча», в котором Николай Рубцов, пожалуй, обращается не только к своему другу, а к каждому из нас, делясь своим грустным открытием:

Не только я, не только ты,
А вся Россия изменилась!..

Да, тысячу раз прав составитель этого мини-сборника Виктор Максимов, подчёркивая, как и Рубцов,

что Россия меняется. Правда, Рубцов сказал это сорок с лишним лет назад, что мы осознаём только сейчас. Да и осознаём ли?..

Следующее миниатюрное издание «Стихотворения» (95x68) из серии «Заветная лира», выпущенное в Москве в 2006 году издательством «Эллис Лак 2000» (редактор-составитель Н. П. Ходюшина) откровенно расстроило и огорчило. Открывается сборник разделом, в который вошла подборка стихов из книги «Волны и скалы». Так вот, из двух дюжин стихов этого раздела только одно напечатано без ошибок («Праздник в посёлке»). В остальных же нарушена авторская разбивка строк, строчные буквы в начале строк заменены прописными, приведены более поздние варианты стихов. Стихотворение «Добрый Филия» в книге «Волны и скалы» называлось «Лесной хуторок» (идиллия). «Добрый Филей» оно стало спустя три года после авторской публикации в десятом номере журнала «Октябрь» за 1965 год. Таким образом, издатели «Стихотворений» попросту упростили себе задачу, даже не удосужившись заглянуть в оригинал книги. Спрашивается, для кого в 1998-1999 г.г. были отпечатаны два выпуска (об-

щий тираж 1500 экз.) репринтного переиздания **первого** машинописного сборника стихов Николая Рубцова «Волны и скалы» (6 экз!), выпущенного в 1962 году Борисом Ивановичем Тайгиным в своём «домашнем» издательстве «Бэ-Та» под редакцией и руководством Н. М. Рубцова? И, вполне естественно, что на душе остаётся неприятный осадок от того, что тысячам читателей преподносятся **исевдорубцовские** стихи.

Однако, несмотря на отмеченные недостатки, внешне книга смотрится очень изящной и привлекательной. Супербложку украшает известный фотопортрет поэта в шапке и шарфе. Но не покидает какое-то печальное чувство утраты, когда выпускаешь книгу из рук и ставишь её на стол. Одинокий томик начинает напоминать крохотный обелиск...

И всё же, за окном на небосклоне продолжает, не угасая, гореть путеводным светом «для всех тревожных жителей земли», то бишь для нас, ЗВЕЗДА ЕГО ПОЛЕЙ...

С. Кувшинов,
Дзержинск,
Нижегородская обл.
27 июня 2012.

Короткая проза

Юрий МАЛОЗЕМОВ

ЗАЕЗЖЕННАЯ ПЛАСТИНКА

По пути к дому остановил приятель. Предложил подвести на своём «Джипе». Сели, поехали. Проезжая мимо трехэтажного особняка, приятель, кивнув на него, сказал: «Этот дом построил пидор на ворованные деньги». Моя ритмика сработала моментально. Тут же присоединился мотив какой-то революционной песни. Теперь в мозгах крутится уже вторую неделю:

«Этот дом построил пидор
На ворованные деньги.
Этот дом построил пидор
На ворованные деньги.
Этот дом построил
натуральный пидор
На чужие, краденые деньги.
Строил пидор.
Свистнул деньги».

Из головы не выходит, крутится с завидным постоянством. Чем только не пытался отвлечься — не получается.

Жду «белку». Может, она поможет забыть?..

КОРОЛЕВСКИЕ РОДЫ

Кристина Арбакайте родила. И дай ей Бог здоровья, и чаду её! Но почему все главные телеканалы страны визжат и мочатся кипятком по этому поводу?! У нас что — наследник престола родился? Или новый Миссия?

Лакеи хуже рабов. Они совершенно потеряли бдительность и становятся омерзительны даже своим хозяевам.

России нужен монарх. Но не какой либо. Всеобщего покаяния ждать пока не приходится.

Болезнь общества затянулась.

Я ДРУГОЙ ТАКОЙ СТРАНЫ НЕ ЗНАЮ

По отцовской просьбе, к прилету скворцов я смастерил добротный скворечник и повесил на большой берёзе, напротив отцовских окон. Наутро его уже не было. Нет, я другой такой страны не знаю...

К ВОПРОСУ О СОВЕТСКОМ СЕКСЕ

« — Здравствуй, Морозов. Дай руку Павлуша.
Время совсем не помеха для нас.
Громко сердца наши бьются — послушай...»

Пела пионервожатая. При слове «послушай», она шлёпала себя по мощной груди, которая колыхаясь зачаровывала всю мужскую половину зала. При этом она далеко оставляла позади всех профессиональных стриптизерш, ныне бесцельно вертящихся вокруг шеста.

ЕСЛИ ПО ЧЕСТНОМУ

Если проверить поголовно всех мужчин на детекторе лжи, то идеальная женская фигура будет выглядеть так: 190 x 160 x 290
МОГУ!

Лежу на кровати. Мне бы стопку налить. И бутылка, и стакан рядомшком на полу. А на животе сладко посапывает кот, будить которого жалко. Умудрился, а, скорее, измудрился дотянуться, налить, не расплескав не капли, и замахнуть. Не разбудив при этом кота.

Могу ведь ещё!

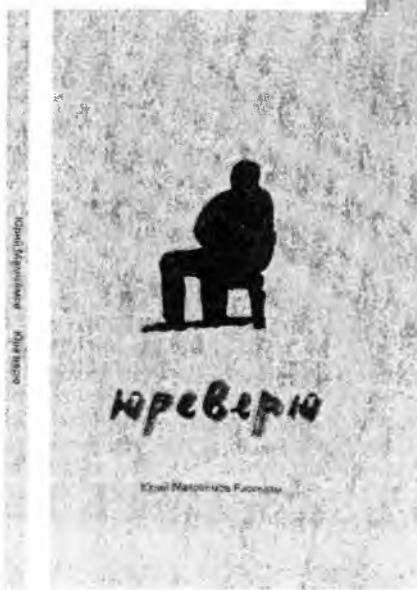
МУЖЧИНЫ ПЬЮТ ПОД ОДЕЯЛОМ

Любой, даже очень сильный мужчина, имеет предел прочности. Алкоголь — сильнейший антидепрессант, не выход, но, как говорил наш покойный Владыка Михаил: в малых дозах — это утешение. Всем известно: выпил с утра — весь день свободен. А выпитая на ночь четвертинка и поразмыслить даст спокойно, и успокоит, и сон предоставит. На первый взгляд комично — пить под одеялом. И женщины недоумевают после приборки — откуда столько четвертинок под кроватью?

В Вологде в кинокомпании «Новая идея» вышла книга рассказов, записок, зарисовок «ЮРЕ ВЕРЮ».

Рассказы Юрия Малозмова — это короткие жизненные истории, в которых переплелись человеческие радости, соблазны, потери и приобретения. В небольших рассказах, автор создает разнообразие характеров и сюжетов. Приметы вологодской жизни правдивы и точны. В книге много юмора, забавных сценок, но в то же время есть место и для серьезных размышлений.

Цена без пересылки — 100 руб.

Критика и публицистика

СОРОКИНУ В.В. ЧЕЛОВЕКУ, УЧИТЕЛЮ, ПОЭТУ

Вам, мой учитель, дивный Гений,
Дарю я с трепетом души,
Плоды бессонных сновидений.
Может, не так уж хороши.
Вы их примите без сомненья,
В предельной искренности слов
Молитвой робкой о прощеньи
Бывших и будущих грехов.

Такую дарственную надпись сделал автор этих строк на сборнике своих стихов, когда дарил их Сорокину Валентину Васильевичу, юбилей которого отмечала вся поэтическая Русь в этом году.

Сидя на поэтических семинарах, во время обучения в литературном институте им. Горького в Москве, глядя на Поэта, который вёл эти семинары, мне почему-то представлялся Христос с учениками с известной картины. Возможно, это было потому, что от него исходило вение той же простой народной искренности, доброты, светлой глубины божественного поэтического вдохновения, этого чуда человеческого сознания. Его знания всех тонкостей огромной истории нашей поэзии казались безграничными и вызывали удивление. При этом он, невзирая на авторитеты, не стеснялся и мог объективно проанализировать любое стихотворение. Что греха таинить есть у поэтов такая слабость, если произведение авторитета, так оно априори Великое и вне критики. Создавалось впечатление, что он достиг такого уровня знаний, которые позволяют ему справедливо оценивать мастерство и талант любого автора, несмотря на авторитеты. Например, стихотворение Осипа Мандельштама.

Божье имя, как большая птица,
Вылетело из моей груди.
Впереди густой туман клубится,
И пустая клетка позади.

Сорокин комментирует эти строки так:

«Божье имя, как большая птица,
Вылетело из моей груди»

Ужасно... мокрый гусь вылетел. Это просто ужасно сказано. А ведь лучше было бы «вздох вылетел».

В мыслях и рассуждениях Сорокина о поэзии мне представляется оригинальным и новым, что он уделяет большое внимание гармонии, последовательности мысли и выражаемого чувства в поэтическом произведении.

Он учил нас, что стихи пишутся хорошо на самоощущении, а не на иллюзиях самоощущения. Замечаете, как это переплетается со словами Рубцова Н. М.:

«Но, если нет ни радости, ни горя,
Тогда не мни, что звонко запоёшь,
Любая тема —
Поля или моря...
Всё это будет ложь!»

Кстати, Сорокин и Рубцов дружили искренне и их можно назвать поэтическими единомышленниками. Я тоже был знаком с Рубцовым, и, слушая Сорокина, частенько вспоминались Колины высказывания о поэзии.

Раз уж мы заговорили о Рубцове, то вполне логично отметить и вторую особенность общую для этих больших поэтов.

«И буду жить в своём народе» — Рубцов. Не с народом (все чиновники и пр. с народом) а для поэта именно в народе.) В этом величие большого народного поэта и Рубцова и Сорокина.

Сорокин — издавна член многочисленных литературных организаций и объединений. Мне часто удавалось слышать его выступления. Каждое из них — это извержение вулкана, всплеск поэтических эмоций, основанный на глубоком знании поэзии и боли за плачевное состояние её в настоящее время в России, понимании

того, что это яркий показатель ослабления нации. Унижение нации начинается с унижения языка. А это чётко видно на каждой московской, да и не только московской улице, где всё больше и больше иностранных слов на домах и рекламных сооружениях, а я не говорю уж о названиях фирм и различных обществ. В юбилейный день Победы над фашизмом, 9 мая 2010 года я с небольшим флагом России зашёл в ЦУМ, что на Красной площади в Москве и услышал, что это территория Италии и сюда с флагом России заходить нельзя, я был нескованно удивлён но не сдался. Разрешили, — «спасибо».

Поэтическое братство русских поэтов — это родная семья Сорокина В. В. С какой болью говорит он, пишет о безвременно загубленных великих поэтах России и делает всё возможное о сохранении памяти о них и помоши близким. Его слова — «где Павел Шубин? Убит. Где Кедрин — погиб, где Недогонов — погиб. Где Павел Васильев — расстрелян, где Корнилов. Расстрелян. Где Ручьёв — двадцать лет каторга. Шубин — из окна выбросился». Сюда можно добавить многих и Шаламова в том числе. Да и Коля Рубцов погиб фактически уничтоженный обществом, подающий надежды поэт из Белозерска Шадринов покончил жизнь самоубийством в армии.

«Но вокруг нас выпала огромная страна поэтическая, потому что творения наших мастеров были разрушены. А вместо них кого нам давали. Безыменских, Межировых»

«Спасибо Вам, друзья поэты,
Что Вы на белом свете есть,
За Ваши мудрые советы
И за израненную честь...
И наши мысли мотыльками
Летят на Ваш нетленный свет.
Спасибо Вам, что вечно с нами,
Хоть Вас давно на свете нет» (слова автора из стихотворения в память о замученных поэтах).

Пятьдесят тысяч человек ежегодно у нас пропадают без вести, около девяносто тысяч вымирают... останется маленький русский народ... будет беречь

поэтов... потому, что увидит в них своё спасение». С этим утверждением можно спорить, но основания для них имеются.

Валентин Васильевич говорит «родился поэт с абсолютным поэтическим слухом Чего-то в его жизни может сбить с толку?..

— Нет, ничего его не сбьёт. Только пуля, и я вам должен сказать, что КГБ это хорошо учитывало. Там не церемонились». С таким категоричным выводом нельзя согласиться, потому что ВЧК-КГБ-ФСБ никогда не обладали правом «казнить или миловать», для этого были и есть другие инстанции, которые принимали и принимают решения а эта организация была и есть только инструментом в руках власти, разве виноват молоток, если им убивают человека, а не забывают гвоздь?

У автора есть основания говорить подобным образом, потому что он рассмотрел 250 дел осужденных с участием этой организации, по реабилитации, все проходившие по ним лица были реабилитированы. Но как-то так твёрдо укоренилось в сознании многих «друзей-поэтов», что виновата во всех грехах именно эта организация. Следует отметить, что из всех рассмотренных мной документов не усматривалось нарушения Законов того времени. У меня сложилось мнение, что в обозримом лично для меня прошлом (не берусь судить о более дальних расстояниях) эта организация всегда стояла и стоит на страже Закона и справедливости.

Приведу пример из жизни нашего вологодского управления, в ту пору КГБ, а сейчас ФСБ.

Именно в Вологде живёт и работает гордость современных писателей Василий Иванович Белов. Автор хорошо помнит появление его произведений — «Кануны», «Что впереди» и знаменитой статьи против переброски северных рек, эти произведения противоречили официальной точке зрения государства и партии на проблему колLECTivизации в сельском хозяйстве, категорически возражали против переброски вод северных рек. А полно-

жительное решение об этом уже было принято в правительстве. Кроме того, статья была опубликована впервые в зарубежном издательстве «Мысль» «Что впереди» предостерегало о не-приглядной картине будущего нашего общества, высовчивая его пороки. Конечно, это был гражданский подвиг, сопоставимый с военным, опасности было не меньше.

Нетрудно догадаться, какова перспектива могла ожидать Великого писателя. Однако вологодские сотрудники Управления ФСБ, которое тогда возглавлял Николай Петрович Чурсинов, сделали очень многое для адекватной и нетрадиционной оценки руководством области и страны вышенназванных произведений писателя. Доброе слово следует сказать и о бывшем первом секретаре ОК КПСС Дрыгине А. С. который поддержал это. А А. С. Дрыгин был личным другом всесильного тогда Брежнева Л. И. О том, что А. С. Дрыгин высоко ценил писателя говорит и тот факт, что, уезжая из Вологды, он отдал ему свою квартиру. Посильное участие принимали многие сотрудники, в том числе и автор. А к мнению этой организации руководители всех рангов прислушивались всегда. Возможно, это произошло потому, что, как считает автор — если Москвач — центр административный и культурный России, то Вологда — центр соблюдения русских традиций, в которых преобладание справедливости, честности и порядочности.

«Только здесь в стране далёкой
От рублёвых тех забот
Хорошо иль может, плохо,
Душа русская живёт»

И такие примеры, наверняка, были не редкостью, просто работа этой организации имеет специфику, она связана с секретностью, о ней не могут знать все, а это порождает множество нелепых догадок, которые смело внедряются в СМИ, вводят в заблуждение общество, используется противником в клеветнических целях для ослабления её. А противник не пожалеет ни денег ни сил для того, чтобы лишить

доверия народа, ослабить эту лучшую в мире спецслужбу, создавая нелепые книги и фильмы, телепередачи.

Только что просмотрел передачу по НТВ, посвященную Ходорковскому. Создаётся впечатление, что преступник, ограбивший страну и отбывающий наказание за это, наgrabленные деньги покупает телеканал, телеведущих и группу людей, которые за эти награбленные деньги пытаются окончить общество и освободить его от наказания с тем, чтобы он, выйдя на свободу, стал лидером оппозиции. А потом, конечно, руководителем страны. «Приехали», как говорится.

Правительство в то время контролировало жизнь общества и в духовной, творческой сфере, этот контроль раскритикован достаточно, и не без оснований, а разве последующие события жизни не показали к какой катастрофе может привести полное отсутствие этого контроля, что происходит сейчас? Среди прочего самое опасное — искашение нашей истории в сторону её очернения.

В период празднования очередного юбилея Великой Победы Президент США Буш, выступая в Латвии, сказал, что она в годы ВОВ была оккупирована советскими войсками.

Автор, бывший несовершеннолетний узник фашистских лагерей, вместе с мамой, которая была помещена туда за помощь партизанам, был освобождён именно с территории Латвии. Мне было трудно перенести такую несправедливость, и я направил в его адрес телеграмму, в это время Буш находился в Москве, в телеграмме были такие слова: «Уважаемый Господин Президент. Разрешите поздравить Вас с Днём Победы. Я в годы ВОВ (41-45 гг.) содержался в фашистском лагере вместе с тысячами советских детей именно на территории Латвии, освобождён не без помощи США, за что благодарен этой стране, освобождение Вы назвали оккупацией, чем вызвали удивление, негодование и возмущение. Надеюсь, что мое мнение будет учтено и послужит справед-

ливости, не испортит праздничного настроения... и т. д.» Попала ли телеграмма к Президенту Бушу — не знаю. Ответа не было. История сродни религии и относиться к её искажению нужно с той же принципиальностью.

«Уберите руки от истории

И не трогайте грязной рукой.

Сколько жизней историй стоили,
Чтобы именно стала такой» (сл. автора)

Контроль над всем, что печатается и показывается по телевидению, над СМИ нужен обязательно, просто при этом «не надо перегибать палку» ни в ту ни в другую сторону.

А в настоящее время террористические акты в идеологической, духовной сфере в том числе против православия, России и всего русского давно стали обычным явлением и на них мы просто не обращаем внимания. А они дают свои результаты, которые всем хорошо известны. Разве это не должно входить в компетенцию наших спецслужб? Я считаю — они должны обязательно заниматься этим, т.к. это важ-

ные вопросы и именно — вопросы государственной безопасности.

Проходя по улицам Москвы, у меня часто возникала мысль, что немецкие захватчики были под стенами Москвы, но под руководством маршала Жукова отброшены, а идеология враждебная национальным интересам России уже давно хозяйничает в Москве. Где же ты новоявленный маршал?! А после выборов Президента 4 марта 2012 г. происходят явные и почти неприкрытие действия зарвавшихся и обнаглевших до последней степени «лидеров» оппозиции по захвату власти и дискредитации нашего общества.

Нам довелось жить в непростое время, мы видели расцвет и затухание русской литературы, но пока у нас есть такие поэты как Сорокин В.В, Рубцов Н.М. такие писатели как В. И. Белов, русская литература, как самая лучшая в мире, была, есть и будет всегда.

*Член союза писателей России
и Вологодского Союза писателей-
краеведов Иванов Ю.В.*

ЧЕРЕПОВЕЦКИЙ ВЕНОК РУБЦОВУ

Вышла в свет долгожданная книга «Душа, подобная звезде...», имеющая подзаголовок «Череповецкий венок Рубцову», в которой собраны биографические сведения о пребывании знаменитого поэта в Череповце, научные материалы, посвященные анализу творческого наследия Н.М. Рубцова, отрывки из сочинений, связанных с его поэзией, череповецких школьников, стихотворные посвящения Николаю Рубцову поэтов-череповчан и др.*

Данная книга — плод совместного напряжённого, самоотверженного труда кафедры теории и истории культуры факультета общегуманитарных и

социально-экономических дисциплин Череповецкого государственного университета и клуба «Госпожа Провинция» городского Дома знаний Управления по делам культуры мэрии г. Череповца. Наиболее деятельное участие в подготовке этого издания приняли кандидат филологических наук доцент кафедры теории и истории культуры ЧГУ А. Е. Новиков (он и является редактором-составителем сборника), Н. Л. Деревягина, А. А. Чумеева, Л. Н. Вересов.

Книга является ценным научным и одновременно познавательным изданием. Она предназначена для преподавателей вуза и школы, аспирантов, студентов, учащихся, а в общем для всех тех, кто интересуется жизнью и творчеством выдающегося русского поэта XX века — Нико-

* «Душа, подобная звезде...»: Череповецкий венок Рубцову : Воспоминания, стихи, статьи, эссе / Ред.-сост. А. Е. Новиков. — Череповец: ЧГУ, 2011. — 291 с.

лая Михайловича Рубцова. Поэтому очень жаль, что столь востребованное издание даже при финансовой поддержке мэрии г. Череповца, а также на средства О. В. Борисова (ООО «Теплоэнергострой»), Д. В. Чичаева, вышла непозволительно и обидно мизерным тиражом — всего 100 экземпляров.. А ведь эту книгу необходимо иметь и школьным и городским библиотекам г. Череповца, и многочисленным Рубцовским центрам, имеющимся в разных городах России, да и самим авторам научных, биографических и стихотворных материалов (а этих авторов ни много ни мало — 64! К сожалению, некоторых из них — семерых — уже нет в живых, и они не могут востребовать книги).

Поскольку книга труднодоступна и мало кому из читателей «Автографа» и пользователей Интернета довелось её увидеть и подержать в руках уникальное издание, остановлюсь на её содержании. Книга предваряется стихотворным посвящением — своего рода эпиграфом, строчкой из которого и названа книга — Н.Рубцову, написанным талантливым череповецким поэтом, безвременно и трагически ушедшим от нас — Леонидом Беляевым, затем солидной обзорной статьёй А. Е. Новикова «Рубцов и Череповец (Вместо предисловия)» и включает 8 основных разделов:

1) Воспоминания о Николае Рубцове и «тихой родине» поэта (20 материалов);

2) Николай Рубцов и культура Череповца (5 материалов);

3) Поэты Череповца — Рубцову, состоящий из 4-х подразделов: «Дорогой мой человек...» (Памяти поэта) — 14 материалов; В мире Рубцова — 6 материалов; Рубцовские мотивы — 8 материалов; «Я с Рубцовым постою...» — 6 материалов;

4) О поэте — с любовью (Школьники Череповца — Рубцову) (2 материала);

5) Эссе, размышления о творчестве и личности поэта (4 материала);

6) Материалы к биографии Н. М. Рубцова (6 материалов одного автора — В. Н. Вересова);

7) Памяти рубцововеда (3 материала — о вкладе В. Белкова в изучение и пропаганду творчества Николая Рубцова);

8) Слово прощания (1 материал; статья Н.Л.Деревягиной «Сестра поэта» — о недавно ушедшей из жизни ближайшей родственнице поэта, череповчанки Г. М. Шведовой, ради которой и посещал неоднократно наш город великий поэт). Завершается сборник сведениями об авторах.

Как видим, книга не только разнообразна, насыщена и глубока в содержательном плане, но и строго и чётко научно выстроена. Над ней долго, напряженно и кропотливо работали как учёные, так и деятели культуры Череповца и других городов России. Их работа была построена в основном на энтузиазме. Работа эта касалась сбора, систематизации, отбора, фактической и научной обработки материала, его редактирования и рецензирования. Приведу лишь ряд фамилий из многочисленного и многогранного коллектива создателей сборника: уже упомянутые А. Е. Новиков и Н. Л. Деревягина, В.Н. Вересов; рецензенты: доктор филологических наук, профессор (ВоГТУ) В. Н. Бараков, доктор филологических наук, профессор (НовГУ) В. А. Кошелев, доктор филологических наук, профессор (ЧГУ), кандидат филологических наук, доцент (МОУ «Средняя общеобразовательная школа №17» г. Череповца) Е. В. Шалацов.

Как видно из содержания сборника, в книге широко представлены череповецкие поэты, в большинстве своём входящие в местное литературное объединение и известные не только в Череповце, но и в вологодской области и даже за её пределами, как ныне здравствующие, так, к сожалению, ушедшие в мир иной. Перечислю их в том порядке, в каком они помещены в сборнике: Л. А. Беляев, А. А. Пощехонов, В. В. Глушанкова, В. А. Шагинов, Н. Т. Бушенев, А. Г. Широглазов,

Л. Н. Вересов, Ю. А. Жигулин, В. С. Илларионов, С. А. Созин, Т. В. Ржаникова, А. А. Каютина, В. В. Попова, Г. Г. Мальцев, А. А. Ткачёв, Г. А. Констанская, В. Л. Кругликов, Н. А. Кузнецов, И. К. Воробьёв, З. А. Марченко.

«Душа, подобная звезде...» — ценнейший сборник научных, биографических и литературно-творческих материалов о Николае Рубцове — требует, несомненно своего оперативного персиздания, причём хотя бы мало-мальски приличным тиражом (начиная от тысячи экземпляров). Причём в этом должны быть заинтересованы деятели культуры не только городского, но и областного (а может быть даже, и общероссийского уровня). Нашлись ведь деньги на допечатку известного литературно-художественного альманаха «Соборная горка». Правда, при этом пришлось подключить одного из помощников губернатора, пригласить его (точнее её) на презентацию альманаха, убедить в том, что издание представляет культурную ценность и широко востребовано культурно-просветительскими и общесобрательными учреждениями города. Тем более, что почему-то без труда изыски-

ваются деньги на объёмные, красочные и большетиражные альбомы в честь юбилея крупных областных чиновников. Неужели Николай Рубцов, хотя бы в честь 70-летия со дня своего рождения, хорошего и солидного издания, доступного для многочисленных исследователей, а также читателей и почитателей его творчества, недостоин?! При переиздании «Череповецкого венка Рубцову» следовало бы устраниТЬ некоторые (хотя и незначительные) фактические неточности, технические недоработки и улучшить качество полиграфического исполнения (в частности, представить более отчётливо и качественно помещённые в нём фотографии и рисунки). Кроме того, в нынешнем её виде книга не переплетённая, а склеенная, в плотной, но не в твёрдой обложке, и вследствие этого при частом пользовании ею быстро «распыляется». При переиздании желательно использовать твёрдую обложку.

*Н. Т. Бушенев,
доцент кафедры Социально-
экономических дисциплин ЧГУ,
член Череповецкого ЛИТО*

РУССКИЕ ИДУТ! Поззия Нины Карташевой

В нашей конституции канонизирован ленинский декрет об отделении церкви от государства и школы — трогательная для антикоммунистического режима лягушка! Однако отдельить народ от святынь невозможно. Те интеллектуалы, которые считают, что практические дела можно «окончательно» решить вне церкви, заблуждаются. Они никак не хотят понять и принять простой и гениальный евангельский постулат: «А все остальное приложится». Неужели история их так ничему и не научила?

Заблуждаются и те, которые тешат себя иллюзией «самостоятельного» общения с Богом, вне церкви. По словам Самого Господа, таковые «не име-

ют ничего общего со Мною». Святые Отцы заметили: «Для кого церковь — не Мать, для того Бог — не Отец».

К счастью, современная русская поэзия в большинстве своем создается верующими авторами.

Самая заметная поэтесса, сражающаяся и сегодня на «внешних рубежах», — Нина Карташева.

Печататься она стала в 1990 году, первая публикация была в девятом номере журнала «Наш современник». «Это еще были такие времена, — рассказывает Карташева, — когда слово «Бог» писали с маленькой буквы, а слово «Воскресение» было известно только, как день недели.

Потом был разрушен коммунистический режим. Все смешалось, и в этом смешении могли разобраться только посвященные. А бывшие советские атеистически воспитанные люди поверили во все: и в экстрасенса Кашпировского, и в НЛО... И вот тогда я, опять же почти помимо моей воли, решила, то есть не решила, а Бог привел, нести мое простое православное слово людям — и я вышла на это служение. И жить мне стало гораздо труднее и страшнее. Но я благодарна Богу, если хоть один человек, читая мои стихи, открыл для себя мир Божьего чуда, молитвы и радости православной веры.

В России ныне царствует власть денег, деньги в чужих руках. Русские вновь унижены и обобраны, русских все меньше, в России поселяются кавказцы, среднеазиаты, неудивительно, что их становится больше и больше, для них другие условия. И они сплочены, помогают своим. Русские должны также помогать своим, где бы они ни были, мы кровные сродники» (Всеволод, инок. Что есть поэзия Православия. Беседа с православной поэтессой Ниной Карташевой // Аскетическое творчество. — 2002. — № 2 (165). (<http://www.russian-inok.org/page.php?page=ascetic&dir=ascetic&month=1002>)).

Помогите тому, кто слабее.

Русский русского да не покинет,
И в беде своего пожалеет,
Не забудет и не отринет.

(Карташева Н. Слава России! Стихи. — М., 2001) — здесь и далее цитируется этот источник — В.Б.)

«— Нина, как Вы, будучи православной христианкой, относитесь к Вашему поэтическому дару?

— На этот вопрос ответить и просто, и сложно. Понять меня сможет только верующий человек. Талант у всех от Бога. Но этим талантам во чтобы то ни стало старается завладеть противобог, за талантли-

вым человеком ходит не один бес, а семеро, бороться с ними очень тяжело, если нет помощи Бога и Его светлых ангелов. А к Богу обращаться не все таланты хотят. Поэтому в XX веке, и ныне, так мало духовных поэтов и писателей, стихотворцев я не считаю, даже если они и пишут православно, но бездарно. Бог одаряет одного из тысячи. Конечно, сатана тут же платит гонорар долларами и рублями, если поэты служат ему, воспевая измену, жестокость и прочие прелести. Бог же с платой, хоть и медлит, но уж Его награда не сравняется с долларами, ибо это красота и жизнь, свет и любовь. Только в них судьба России. Тогда и хлеб наущный приложится.

Время сейчас гораздо страшнее и коварнее советского. Сказано: не бойтесь убивающих тело, бойтесь убивающих душу. С телом уже расправились, теперь враги рода человеческого покутились на душу.

— Что Вы думаете о положении православной веры и Церкви в современной России?

— К Церкви сейчас у власть и деньги имущих отношение лояльное, но им нужна церковь смирившихся перед ними. Из рабов Божиих сделать рабов себе, используя наши самые прекрасные христианские качества: смиренение, терпение. Поэтому в народе появилось непротивление злу, теплохладность. Уже нет того горячего подъема, который был в 1990–95 гг. Для Церкви лучше гонители, чем растлители» (Всеволод, инок. Что есть поэзия Православия. Беседа с православной поэтессой Ниной Карташевой // Аскетическое творчество. — 2002. — № 2 (165). (<http://www.russian-inok.org/page.php?page=ascetic&dir=ascetic&month=1002>)).

Теперь не жди свободы в слове,
Статья за то, что мы без прав.
Законы стряпчие готовят,
Законы Божий поправ.

Неужто я была в гордыне,
Когда воспела русский стан?
Кругом и трусость, и обман.
Вождя не вижу в русском стане,
Терпенье и бесплатный труд.
С двойным гражданством россияне
За экстремизм меня сметут.
Но все же я смиренным слогом
Напомню русским об одном:
Смиряться надо перед Богом,
Но не смиряться перед злом.

Бороться со злом — вот нравственное кредо Нины Карташевой: «Даже наши лучшие православные христианские качества враги Божии и враги России стараются приспособить к себе. Нас, рабов Божиих, они хотят превратить в рабов для себя: “Смиряйтесь, терпите!”». Но, дорогие мои, смиряться мы должны перед Богом; перед врагами смиряться — сугубый грех. Любить их можно, но смиряться, позволяя им делать бесчинства — это грех. Наступили те времена, когда компромиссы уже неприемлемы, уже нельзя ладить. Середины между злом и добром не может быть» (Карташева Н. «Мы должны не выживать, а жить!» Письмо в редакцию Русской линии // Русская народная линия (http://www.ruskline.ru/analitika/1999/10/16/my_dolzhny_ne_vyzhivat_a_zhit/)).

О предназначении поэта Нина Карташева говорит кротко, но твердо: «Что делать мне, если у меня ни власти, ни денег, ни оружия? У меня только слово, стихи. Но и этим малым я стараюсь помочь. Иду в школы, институты, детские дома и воинские части, когда мне это начальство разрешает, чаще под благовидным предлогом отказывают. Но ведь как важно сейчас, когда оплеваны с высоких трибун все русские идеалы, открыть детям красоту подвига, веру в Бога, честь и славу наших великих предков, целомудрие и кротость русских жен и дев. Спасем детей — спасем Родину» (Карташева Н. «Мы должны не выживать, а жить!» Письмо в редакцию Русской линии // Русская народная линия (http://www.ruskline.ru/analitika/1999/10/16/my_dolzhny_ne_vyzhivat_a_zhit/)).

www.ruskline.ru/analitika/1999/10/16/my_dolzhny_ne_vyzhivat_a_zhit/)).

Патриотическая деятельность поэтессы вызвала ожесточение в известных кругах. На семью Нины Карташевой было совершено покушение. Этот случай стал известен русским людям. «Благодарю Вас за дружеское внимание к моей судьбе и моему творчеству. — Откликнулась поэтесса. — Я признательна Вам за беспокойство обо мне в связи с этим ужасным нападением. Я жива. У нас ничего не украли, не разгромили. Пострадал только муж, ему перебили руку и разбили голову. Но он уже выздоровел, работает.

Причины нападения, совершенного на нас 10 августа, мне не понятны, хотя и не удивительны: в наше время в России, как на войне, могут убить и без причины, и за кусок хлеба, и за стихи. Ни я, ни мой муж (простой строитель) коммерцией, «крутой» политикой и прочими криминальными делами никогда не занимались и абсолютно не способны к этому. Явных врагов у нас нет, зла мы никому никогда не делали, долгов тоже никогда не было, живем скромно и тихо 26 лет в Подмосковье в научном городке Менделеево» (Карташева Н. «Мы должны не выживать, а жить!» Письмо в редакцию Русской линии // Русская народная линия (http://www.ruskline.ru/analitika/1999/10/16/my_dolzhny_ne_vyzhivat_a_zhit/)).

Поразительно, но еще в начале 90-х годов, когда поэтессу широко публиковали в патриотической периодике, ей угрожали, и Карташева предсказала:

— «Придем с ножом и грабежом,
И кружева твои разденем,
Убьем тебя и труп сожжем,
И пепел во поле развеем!

За что?! — За то, что ты жива
За то, что мыслишь и страдаешь,
Что запрещенные слова
По-русски чисто называешь».

Свои программные идеи Нина Карташева высказывает как всег-

да откровенно: «Приход к власти национального русского лидера возможен только в случае перелома в самой власти. А народ устал. России нужен, пожалуй, пиночетовский вариант, все другие, более мягкие варианты невозможны, потому что упущено время. Только здоровый русский Национализм спасет Родину. Национальный Вождь и его правительство — потом, возможно, теократическое, православное правление для укрепления духа нации — и только потом, если Бог даст, самодержавный, а не кукольный Царь. Пока у нас ни Государя, ни государства. Ни самодержавия, ни православия? А Народность? Наш Народ уже добивают. Разброд и шатания по партиям и блокам. Только национальная идея нас спасет. Русского национализма не надо бояться, будет хорошо русским — будет хорошо всем народам России. Добывают русских — свалят древо, с которого сами кормятся» (Карташева Н. «Мы должны не выживать, а жить!» Письмо в редакцию Русской линии // Русская народная линия (http://www.ruscline.ru/analitika/1999/10/16/my_dolzhny_ne_vyzhivat_a_zhit/)). Эти мысли перекликаются с программными заявлениями Валентина Распутина: «Национальную идею искать не надо, она лежит на виду. Это правительство наших, а не чужих национальных интересов, восстановление и защита традиционных ценностей, изгнание в шею всех, кто развращает и дурачит народ, опора на русское имя, которое таит в себе огромную, сейчас отвергаемую силу, одновременное государственное тягло для всех субъектов Федерации. Это покончить с обезьяням подражательством чужому образу жизни, остановить нашествие иноземной уродливой «культуры», создать порядок, который бы был по направлению нашего исторического и духовного строения, а не коверкал его» (Шумейко И. Уроки русского (беседа с Валентином Григорьевичем Распутиным) // Россий-

ский писатель (<http://www.rospisatel.ru/shumeiko-rasputin.htm>)).

В отличие от «среднерусской» светской лирики (на самом деле атеистов среди подлинных русских патриотов очень мало), Нина Карташева призывает к действию, к сопротивлению:

В беспамятстве время от крови и слез,
Бесчинствуют новые тати...
Великомученик-великоросс
И всякий народ! Вставайте.

Ее не останавливают ни наветы врагов, ни зависть друзей:

Коричневым и красным метят нас,
Но мы убелены самой Россией.
Но мы опять страданья пересилим,
И не опустим рук, и не закроем глаз.
Держитесь! Скоро грянет

грозный час.

(«Держитесь, братья. Это лишь начало...»)

Нина Карташева осознает, что самые главные недруги России сидят в Кремле:

От Бога за убийство отлученные,
Отец ваш дьявол. Он всегда за вас.
Вокруг него одной семьей
сплоченные,

Вы дружно выполняете приказ.

Я не о нации. Ведь вы
разноплеменные.

Я не о старом. Вы воспели грех.
Вы не из древних. Слишком

современные.

Но древнее клеймо на вас на всех.

Теперь не вы, а к вам идут
с поклонами.

Напрасен труд, вас лучше не проси.
Пугаете самих себя погромами
Среди разгрома нового Руси.

Уехали бы вы без возвращения,
Освободили бы наш древний

русский Кремль

За это мы вам вымолим прощение.
Езжайте с миром. Только насовсем.

О врагах в стихах поэтессы сказано предельно конкретно:

Нерусские Россией правят,
И во главе ее враги.

Поэтесса не видит в наших лидерах православных, она знает, что судить надо не по словам, а по делам:

Не верьте этим господам,
Хоть крест они теперь целуют,
И строят храм, но стыд и срам,
Рубли сиротские воруют.

А Бог не жертвы просит, нет!
Он милости от сердца хочет,
Не толковать Его Завет,
А исполнять. И не порочить.

А эти господа всегда,
Еще товарищами были,
Героев славили труда,
Но сами по труду не жили.

Исчезнут снова, яко дым.
Ложь не исправить новой ложью.
Не приспособить Церковь к ним,
Она еще покуда Божья.

Не случайно в ее поэзии говорится о народном ополчении:

Нет, я люблю не битву, а уют,
Детей, наряды, музыку, природу.
Да только жить спокойно не дают,
Конец готовят Русскому Народу.

Но за уют я не пойду в полон,
Напрасно ворон надо мною кружит.
Как испокон я встала у икон,
Сняла кольцо, чтоб ты купил оружье.

Земная брань — отражение битвы небесной. Кондопога, Манежка, Сагра — ее зримые вехи. Нина Карташева предчувствует победу, в грохоте «окаянных дней» она слышит горний голос:

Там у Бога обителей много,
Здесь в России нет места для нас,
Гонят Русских с родного порога,
Спущен с гор иудеем «кавказ».

Богородица очи открыла:
«У Христа вы остались одни.
Только русская вера и сила
Победит окаянные дни».

Поэтесса не боится смерти, она знает, что правду уничтожить невозможно:

Как все продумано,
как злобно отработано
В глубинах опрокинутых систем.
Всё раздано чужим,
всё наше продано,
И в спину нож: НЕТ РУССКИХ —
НЕТ ПРОБЛЕМ.

Мне больно, я кричу,
пытаюсь вырваться,
Захлебываюсь в собственной крови.
Крест перевёрнут вниз:
«А ну, не рыпаться!
Пиши стишкы о счастье и любви!
И запиши: с законом ознакомлена,
И распишись:
о тайном промолчишь.
Сопротивляться больше
не позволено.
Ты! Экстремистка!
Ты еще кричишь?»

Я падаю убитая, безмолвная,
Чтоб встать за Русь уже на Божий Суд,
Где воинство Христа сверкнёт,
как молния,
И гром нагрянет:
РУССКИЕ ИДУТ!

Нина Карташева обращается к нам со словами, наполненными мужеством и внутренней нравственной силой:

Открытый бой и тайный бой идёт,
Не уроните ж доблести и Чести.
Встать — и вперёд!
Россия не умрёт.
А если и умрёт, то с нами вместе...

Откликнемся ли мы на этот призыв?

Виктор БАРАКОВ

«НЕТ ПОРАЖЕНИЯ ВО ХРИСТЕ!

Духовная битва иеромонаха Романа

Монашеская жизнь для людей, далеких от нее, либо тайна за семью печатями, либо расхожее убеждение, еще более далекое от подлинного ее содержания. Все ограничивается внешней «картинкой»: высокие монастырские стены, черные одежды, войлочные боты марки «Прощай, молодость!», взгляд «не от мира сего» и... и, пожалуй, все. — Да, еще послушание, смиление и еще раз смиление...

Может быть, поэтому не все поняли и приняли поэзию иеромонаха Романа начала XXI века — смиренный молитвотворец превратился в певца-обличителя пороков и грехов наших.

А ведь монах — прежде всего духовный воин. Видно, настал час иного монашеского подвига: воинствующего ревнителя веры, разящего врагов словом правды.

Жизнь будущего отца Романа (в миру Александра Ивановича Матюшина) не предполагала столь резкой смены координат: он родился в 1954 году в селе Рябчевск Трубчевского района Брянской области. «Отец — потомственный крестьянин; мать — учительница, в старости — монахиня Зосима. С 1972 иеромонах Роман учился на филологическом факультете Калмыцкого государственного университета, отказался от выпускных экзаменов, работал плотником, рабочим силикатного завода, художественным руководителем во Дворце культуры, учителем музыки в школе. Всехой духовного становления стал 1980, уход в Вильнюсский Свято-Духов монастырь, в 1981 — в Псково-Печерский. Рукоположен в 1983. Служил в приходах Псковской епархии (пос. Кярово, г. Каменец), с 1993 удалился в скит Ветрово. Стихи писал с ранних лет, первая публикация — в районной газете. Зов к монашескому уединению прозвучал еще в юности» (Корольков А.А. «Роман, иеромонах» // Русская литература XX века. Прозаики, поэты,

драматурги: био-библ. словарь / под ред. Н.Н. Скатова. — М., 2005. — Т. 3. — С. 213).

Отшельничество иеромонаха Романа непостижимым образом соединило его с нами — стихи были услышаны страдающей Россией. Путь от молитвы к исповеди, а от нее — к проповеди и снова к молитве — стал судьбой миллионов православных.

Нераздельность веры и России (Престола Божия) — непреложный закон для иеромонаха Романа:

Любите Родину! Она у нас одна.
В благословенье Господом дана.
У Царственной отнюдь

не царский вид,
Но Истину, как некогда хранит.
И пусть себе гогочущие скачут,
Нам Сказано: — Блаженны те,
кто плачут.
А значит, есть Надежда и в кручине!
О, Родина! Души моей Святыня!

(Иеромонах Роман (Матюшин). Любите Родину! Новые стихотворения (2000-2003 г.г.) // Русское воскресение (<http://www.voskres.ru/literature/poetry/roman2003.htm>)).

Говоря словами Ю. Кузнецова, «мир рухнет в ад», если случится невозможное:

И если вдруг тебя погубят,
то и самим врагам не жить:
Вселенная могилой будет —
Иначе не похоронить.
(«Россия!»)

(Иеромонах Роман (Матюшин). Радоваться небу // Тихоновский Благовест. Приходской вестник. — 2005. — № 7 (19) (<http://www.hram-st.obninsk.ru/archiv/2005/gaz193.html>)).

Отшельник, который сложил множество стихов и песен «для попеченья

о запущенной русской душе», как сказал об иеромонахе Романе Валентин Распутин в рассказе «Больница», выслушал в свой адрес немало упреков, но чаще всего этот: «Не монашеское это дело, писать стихи». Ответом всем сомневающимся может стать следующий факт: отец Роман создал свои произведения первой половины 1990-х годов по благословению Митрополита Иоанна (Ленинградского/Санкт-Петербургского и Ладожского). Книга его стихов «Русский куколь» издана по благословению Святейшего Патриарха Московского и всея Руси Алексия II (Минералов Ю. Имена и тенденции. // Литературная Россия. — 2004. — 12 марта (№10) (http://www.litrossia.ru/archive/104/reading_room/2430.php)).

Епископ Сыктывкарский и Воркутинский Питирим (Волочков) в своей гражданской проповеди дал нелицеприятную оценку демократии в России: «Скажу больше — современная демократия является ничем иным, как политическим механизмом уничтожения российского народа. Говорю это не для того, чтобы обличить кого бы это ни было, а потому, что, как сказал Святейший Патриарх, если мы будем молчать, ополчившийся на Россию враг нас попросту уничтожит. Архиереи — ангелы Церкви, Божий Уста, совесть и честь нации. Если не скажем мы, не скажет никто».

Сказано: «Всякая власть от Бога». «Здесь мы имеем дело с не совсем точным переводом, что «всякая власть от Бога»... Апостол Павел говорит, что «сущие же власти от Бога учинены суть». Что это значит? Это значит, что не признается властью власть, если она не от Бога, поскольку подлинные власти Богом учреждены! Слово же «сущий» означает в данном контексте «подлинный», «истинный», «настоящий» (вспомните выражение «сущая правда»), а вовсе не «существующий» или «всякий» как значится в современном переводе Священного Писания. Мы как православные христиане обязаны де-факто полностью признавать эту «демократическую» власть, попу-

щенную Богом для нашего исправления, подчиняться ее законам, даже сотрудничать с ней во благо Церкви и Отечества. Но мы, русские, свободны от духовного послушания этой власти» (Питирим (Волочков), епископ Сыктывкарский и Воркутинский. Гражданская проповедь // «Национальная доктрина». Сыктывкар, 2006. — № 1. — С. 12-14).

Сегодняшняя власть — тоже от Бога, и ее надо уважать, потому как безвластие в тысячу раз хуже. Но мириться с тем, что она находится в руках растлителей и губителей собственного народа, нельзя. Государство поощряет разрыв, покрывает его, берет налоги и даже оплачивает! Более того, заставляет всей угрожающей мощью жить по своим, а не Божиим законам.

Говорят, что у власти нет воли. Неправда! У нее нет главного: любви к своей Родине, а есть страсть, испепеляющая все вокруг — страсть к золотому тельцу, к доллару, к этому зеленому змию дохлой нашей экономики.

Поэтому молитвенность, «единенная сосредоточенность, самоуглубленность лирического героя поэзии о. Романа сочетается с активной социальной позицией — например, в гражданских стихах о России, с потребностью в прямом, проповедническом по существу обращении к миру. В этом смысле песнопениям и стихам о. Романа близко то проповедническое начало, которое было коренным свойством отечественной литературы и культуры. Наследуя через века древний жанр духовной проповеди и поучения, поэт-певец творчески использует его, обращаясь к современному человеку» (Нечипоров И. В. Песенно-поэтическое творчество иеромонаха Романа (Матюшина): духовное содержание и образный строй // Слово. Православный образовательный портал. Филология. (http://www.portal-slovo.ru/philology/37281.php?ELEMENT_ID=37281&SHOWALL_2=1)).

В январе 2011 года иеромонах Роман опубликовал рассказ «С того света», в котором дал свою оценку событиям

на Манежной площади: «Пост подходит к концу, казалось бы, радоваться надо приближающемуся Рождеству. Да вот узнал о декабрьских событиях, и душа закровоточила: то ли страна уже летит в пропасть, то ли в безвыходнейшем тупике. Кругом корыстолюбие, лукавство, обман. С ног до головы покрылись нравственной проказой, да ещё, ко всем прочим напастям, ветхозаветный плен. А грозовые тучи все собираются и собираются, готовя народу величайшие потрясения. И по человеческому разумению — нет ни единой возможности выкарабкаться из трясинного тупика. Ни единой! Несколько дней душу постоянно саднило покаянным воплем: — Господи, спаси мы, погибаем! И Господь вразумил! И как же вразумил!.. Нет поражения во Христе!» (Иеромонах Роман (Матюшин). С того света. Рассказ. // Русская народная линия (http://www.ruskline.ru/analitika/2011/01/15/s_togo_sveta/)).

Мистическая подоплека всего происходящего с нами была раскрыта иеромонахом в статье «За равноправие!», посвященной холокосту. Ряд изданий, которым батюшка предлагал эту статью, отказались от ее публикации. В интернете же текст, написанный еще в 2006 году, появился на сайте «Русской народной линии» только в апреле 2010-го. Нет смысла приводить статью полностью, но некоторые выборки из нее прокитировать необходимо:

— «Греческое слово «холокост» означает жертвоприношение у древних евреев, при котором жертва полностью пожиралась огнем. Как поясняет Р. Гароди, термин «холокост» выражает желание сделать преступления, совершенные против евреев, исключением истории, потому что страданиям и смерти придаётся сакральный характер».

— «Миф о холоксте превратили в неприосновенный идол. Эдакая раздутая золотая дубина, могущая карать и доить. Страшно сказать, на какую высоту вознесли этот идол. Сбылась

мечта Люцифера, мечтавшего поставить свой престол выше Божьего. Сам не смог — служащие ему потрудились. Вдумайтесь! Можно сомневаться в бытии Бога, даже быть безбожником — никто тебя не осудит, никаких прав не лишит тебя лукавое общество. Но засомневайся в холоксте или скажи, что его не было — в Австрии и Германии тебя посадят, превратят в изгоя. И не ведают австро-немецкие пресмыкатели, что они проповедуют обыкновенный фашизм: всё та же забота об одной нации, исключительные права — одной нации, чем не оборотная сторона фашистской медали?»

— «Никто же не отрицает страдание народов, в том числе и еврейского. Склоняю голову перед страданиями русских, украинцев, белорусов, сербов (народов, наиболее пострадавших от фашизма), и, конечно же, не радуюсь скорби евреев. Но признавать их страдания особыми, утверждать, что «лишения и страдания Христа несопоставимы» со страданиями евреев во Второй Мировой войне — равнозначно отречению от Христа, к чему и призывает идол холокоста».

— «Почтайте объективную книгу швейцарца Юргена Графа «Миф о холоксте» — узнаете правду о судьбе евреев во Второй Мировой войне. Не было никакого еврейского холокоста. В поисках газовых камер я специально ездил в Освенцим — нет их там (ну не называть же газовыми камерами помещения с оштукатуренными стенами, без труб для отвода газа, куда помещали заключенных для уничтожения вшей). И знаете, что меня поразило? Крытые черепицей добрые здания, мраморные унитазы и умывальники! И это в то время! (Освенциму бы условия Соловков — кричали бы о Тройном холоксте). Очень возмутила ложь устроителей выставки еврейского страдания — в отдельных комнатах до потолка навалены волосы. Горы волос! Когда же я присмотрелся — увидел

дощатый настил, идущий от подоконников до потолка (даже не от пола!) и чуть прикрытые волосами доски, стало противно, как будто попал на рынок, где торгуют страданиями».

— «Библия повествует, как поступали израильтяне с покорёнными народами — сжигали целые города и всё, что в них — мужчин, женщин, стариков, детей, скот, одежду — всё предавали огню. Вот он настоящий еврейский холокост, правда, евреи были не жертвами, а палачами. И хоть раз евреи повинились за свои исторические злодеяния? Нет, они гордятся этими зверствами, превратив погромы в национальные праздники. И куда там Гитлеру!»

— «Всем известно, как в годы оккупации католические и православные священники давали приходившим иудеям справки о крещении. А ведь даже страшно представить, чтобы христианин купил себе жизнь ценою отречения (пусть даже внешнего) от Христа!»

— «Зачумлённая жидовской пропагандой преподаватель из Москвы доказывала мне, что немцы уничтожали евреев именно за то, что они были евреи, а русских и прочих уничтожали просто так. Хорошенькое утешение родственникам уничтоженных русских — сожженных заживо или расстрелянных!»

— «Было бы глупо надеяться, что меня услышат заткнувшие уши своей исключительностью. Если и услышат — истолкуют превратно. Безумие — выходить одному на битву. Но это честнее, чем в отдалении наблюдать, как моё Отечество ведут на заклание. Я исполнил гражданский долг, чиста моя сыновняя совесть. Не призываю к ненависти и насилию, прошу одного: Прозрите, люди! Увидьте мир в истинном свете. Не называйте чёрное белым, не идите в стойло! Долой фашизм!» (Иеромонах Роман (Матюшин). За равноправие! // Русская на-

родная линия (http://www.ruskl.ru/analitika/2010/04/27/za_ravnopravie/)).

Кстати, в том же 2010 году вышел журнальный вариант, а в 2011-м — книга Станислава

Куняева «Жрецы и жертвы Холокоста», поразившая многих творческой страстью, интеллектуальной мощью и ясностью мысли. Публистическое исследование известного писателя, так же, как и статья иеромонаха Романа, направлено против сионизма — страшного явления в новейшей истории человечества.

Сионизм всех своих обличителей объявляет антисемитами, но после книги Солженицына «Двести лет вместе» вопрос о русском «антисемитизме» должен быть снят. Невозможно вспомнить ни одного еврейского погрома в России почти за сто лет! Уж как в народе ненавидят Чубайса — а хоть волосок с его головы слетел? Оплеуху получил только Горбачев. Русский, к нашему позору...

Мы живем не в Израиле, а в России. И простые евреи прекрасно понимают, что сильная Россия — их защитница. Однако нашего соплеменника обвиняют в расизме и антисемитизме автоматически, сразу — лишь только он рискнет назвать себя русским. И тут никакие ухищрения, никакие уверения и заигрывания не проходят. Уж если Виктору Астафьеву, единственному из великих русских писателей перешедшему в стан «демократов», посмертно припомнили «стойкий антисемитизм» (К. Азадовский), то что говорить об остальных.

В этом свете совершенно иной смысл приобретают следующие строки поэта:

Я мечтаю поехать
(простите монаху мечтания)
В необъятную даль по Великой
и скорбной стране.
И устрою себе, может быть,
напоследок, свиданье
С дорогою Отчизной,
что видится пленницей мне.

(Иеромонах Роман (Матюшин). «Все боголепно под луной...» Из сборника «Одинокий путь» // Русская народная линия (http://www.ruskline.ru/analitika/2010/04/24/vsyo_bogolepno_pod_lunoj/))

Монах обязан говорить слово правды, в этом он подражает Иисусу Христу:

(Иеромонах Роман (Матюшин). «Все боголепно под луной...» Из сборника «Одинокий путь» // Русская народная линия (http://www.rusklane.ru/analitika/2010/04/24/vsyo_bogolepno_pod_lunoj/)).

«Мы живём в поразительное время: время великих открытий, великого вырождения, великой лжи — в последнее время! — Говорит иеромонах Роман. — Пир у края пропасти захватил всех и вся! Жажда чести, власти, богатства завладела умами и сердцами! Государствами управляют те, кому без грима можно работать в цирке, но клоунада политическая оплачивается больше, и потому шуты с цирковой арены ринулись на арену политическую. Излукавившиеся правдолюбцы, клеймя расизм, без зазрения совести заявляют о «золотом миллиарде», обвиняя фашистов за убийства, поощряют убийства во чреве! Ратуя на словах за здоровье нации, с юных лет навязывают алкоголь, табак, в школах внедряют уроки разврата! Целые народы превращены в телезрителей, фанатов и интернетовских праздношатаек. И стар, и мал кинулись на развлечения! Спорт объявлен национальной идеей!» (Иеромонах Роман (Матюшин). И возненавидев землю сидящих на ней (Лев. 18: 25) // Русская

народная линия (http://www.ruskline.ru/analitika/2010/03/27/i_voznenavidezemlya_sidyawih_na_nej_lev_18_25/)).

**Хвалятся общим домом,
Сами живут с охраной,
Пахнущие Содомом
Поводыри баранов.
(«Люди забыли Бога!»)**

(Иеромонах Роман (Матюшин). И возненавиде земля сидящих на ней (Лев. 18: 25) // Русская народная линия (http://www.rusklined.ru/analitika/2010/03/27/i_voznenavide_zemlya_sidyawih_na_nej_lev_18_25/)).

Православная душа иеромонаха Романа — это одновременно и душа патриота: «Патриотизм — слово святое, ибо этим словом прославляется верность Родине. Измена же осуждена еще в ряу» («О богоугодности — не нам судить!» Господь дал ему эти слезы. Встреча с иеромонахом Романом (Матюшиным) // Русское воскресение (<http://www.voskres.ru/podvizhniki/roman.htm>)). И поэтому его духовная поэзия — в самом высшем смысле поэзия патриотическая:

Вожди живут себе в угоду,
Во власти полный паралич.
Мы перестали быть народом -
И засвистел кавказский бич.

Его старательно сплетали
При одобрении властей.
Уж как на Русь не клеветали
Искариоты всех мастей!

Разбой телесный и духовный!
В верхах измена и обман!
Но словоблудит вождь верховный
О процветанье россиян.

Иван да Марья — недруг знает -
Хребет страны, её душа!
Когда хребет переломают,
Тогда и рёбра сокрушат.

И что? Мостить страну гробами,
Наполнив ненавистью грудь?
Нас подло сталкивают лбами,
Антихристу готовя путь.

Мир подвела к последней грани
Лапсердаковая напасть.
Русь обрекла на вымирание
Олигархическая власть.
(*«На грани»*)

(Иеромонах Роман (Матюшин).
Господи, прости жестокость нашу...
Новые стихи // Русская народ-
ная линия (http://www.ruskline.ru/analitika/2010/12/30/gospodi_prosti_zhestokost_nashu/))).

«— В чем на Ваш взгляд заключа-
ется русская национальная идея (идея
возрождения нашей многострадальной
Родины)?

— В воцерковлении. Потому что
без возрождения души Родина не
воздорится. Не коттеджи и иномарки
принесли славу России, а русская пра-
вославная душа, собравшая раздро-
бленные земли, создавшая величайшее
духовное богатство. А без души любое
тело мертвое. Как его ни румянь, как
ни забрасывай цветами — покойник
есть покойник».

(Из беседы редактора «Трубчев-
ской газеты» Натальи Соболевой с
иеромонахом Романом («О богоугод-
ности — не нам судить») Господь дал
ему эти слезы. Встреча с иеромонахом
Романом (Матюшиным) // Русское
воскресение (<http://www.voskres.ru/podvizhniki/roman.htm>)).

Все империи рушились от падения
нравов, от идолопоклонства и забве-
ния духовных начал. Господь выгнал

из храма торгующих и менял (банки-
ров), а мы наш общий храм — Рос-
сию — сделали вертепом разбойни-
ков. Уже и Патриарх говорит о «духов-
ной агрессии»... Дело обстоит имен-
но так: сумеем ли мы сохранить свою
веру, национальные ценности, или по-
гибнем под напором чуждой западной
цивилизации?

Легкой жизни в ближайшие годы
не будет (Солженицын незадолго до
кончины заметил: «Праздников не
ждите»), но разброд заканчивается.
Мы обманулись, но не обмануты. Мы
согрешили, но есть еще время для ис-
правления. И пока не будет в русском
народе подлинного покаяния — перед
Богом, а не другими народами — о на-
ших и только наших грехах: убитых во
чреве и брошенных детях, воровстве,
пьянстве — не будет и спасения.

Россия собирается, освобождается
от мифов. Единственный миф: Рос-
сия вымирает — стал трагической
реальностью, но и он преодолим. На
войне как на войне — будем воевать
не числом, а умением.

Сила рождается в немощи. Появят-
ся и национальный лидер — только
когда созреет само общество, когда ат-
мосфера станет грозовой. Надо искать
правду в народе, в церкви, в обычных
приходах, скрепляющих собой духов-
ное пространство Руси.

«Россия гибнет», — говорят иные,
но она не гибнет, она больна. Но эта
болезнь — не к смерти.

Виктор БАРАКОВ

«И ЖИЗНЬ, И К РОДИНЕ ЛЮБОВЬ...» (О К. Н. Батюшкове и Хантанове)... *

В Хантанове Батюшков обретал идеальный для поэта мир уединения, свободу, чистоту чувств, возвышенность мыслей, возможность спокойно творить. В письмах раскрываются и характерные черты его личности. Батюшкову свойственно преумножать как успехи в военном деле, (после первого похода император в «Рескрипте» отмечал его «отменную храбрость»), так и в творчестве. В письме Н. И. Гнедичу <Август 1811. Хантаново> читаем:

«Я имею маленькую философию, маленькую опытность, маленький ум, маленькое сердчишко и весьма маленький кошелек. Я покоряюсь обстоятельствам, плыву против воды, но до сих пор, с помощью моего доброго Гения, ни весла, ни руля не покинул».

Батюшков самокритичен и ироничен. Вот как он описывает в письме Н. И. Гнедичу свой распорядок дня в Хантанове:

В сутках двадцать четыре часа.

Из оных 10 или 12 пребываю в постеле и занят сном и снами.

Ibid...

1 час курю табак.

1 — одеваюсь.

3 часа упражняюсь в искусстве убивать время, называемом *il dolce far niente*.

1 — обедаю

1 — варит желудок.

1/4 часа смотрю на закат солнечный. Это время, скажешь ты, потерянное. — Неправда. Озеров всегда провожал солнце за горизонт, а он лучше

моего пишет стихи, а он деятельнее и меня, и тебя.

3/4 часа в сутках должно вычесть на некоторые естественные нужды, которые г-жа природа, как будто в наказание за излишнюю деятельность героям, врагам человечества, бездельникам, судьям и дурным писателям, для блага человечества присудила провождать в прогулке взад и назад по лестнице, в гардероб и проч., и проч., и проч. О, *humanité*!

1 час употребляю на воспоминание друзей, из которого 1/2 помышляю об тебе.

1 час занимаюсь собаками, а они суть живая практическая дружба, а их у меня, по милости небес, три: две белых, одна черная.

P.S. У одной болят уши, и очень, бедняжка, трясет головой.

1/2 часа читаю Тасса.

1/2 — раскаиваюсь, что его переводил.

3 часа зеваю в ожидании ночи.

Заметь, о мой друг, что все люди ожидают ночи, как блага, все вообщее, а я — человек!

Итого 24 часа.

Друзья в письмах постоянно напоминают К. Н. Батюшкову о главном его предназначении — творчестве. Юный критик А. С. Пушкин в стихотворении «Тень Фонвизина» (1815) упрекает Батюшкова в том, что он «...нежится..., забыв совсем, что он пиит», а между тем именно в этом году вышло пятнадцать его произведений в стихах и восемь в прозе. Сам поэт состояние, владевшее им, объясняет так: «И впрямь,

* Продолжение, начало см.: «Автограф», №62, с. 37-42.

что значит моя лень? Лень человека, который целые ночи просиживает за книгами, пишет, читает или рассуждает». К. Н. Батюшков, живя в Хантанове, далеко от обеих столиц, активно участвует в литературной жизни. Друзья (П. А. Вяземский, В. А. Жуковский, Н. И. Гнедич) постоянно сообщают ему о литературных новостях. Бывая в Москве, Петербурге, Батюшков посещает заседания «Вольного общества любителей российской словесности» при Московском университете, на одном из них выступает с лекцией «О влиянии легкой поэзии на язык». На заседании общества «Арзамас», членом которого он был избран заочно, выступает с речью о секретаре Российской Академии П. И. Соколове. Поэт с увлечением изучает «Опыты Монтеня» переведит отрывки из поэмы Торквато Тассо «Освобожденный Иерусалим», много размышляет над тем, как придать русскому языку «людскости», ясности, гармонии со смыслом. Итогом размышлений о современной поэзии и языке стала сатира, принесшая ему всероссийскую славу «Видение на брегах Леты», в которой он обрекает на забвение поэтов-шишковистов, «жарких патриотов» (С. Н. Глинку), «новаторов» (С. С. Боброва, Д. И. Языкова). И только «ленивец» Крылов был «удостоен» Батюшковым бессмертия, хотя сам никогда к этому не стремился.

«Видение» было восторженно принято в Москве. Быстро разошедшееся в списках, оно принесло Батюшкову широкую известность в литературных кругах.

В 1807 году после бурных военных баталий тишина мирной жизни в Хантанове порой вызывала у поэта скучу. В письме к Гнедичу от 01 июня 1808 года из Хантанова он пишет:

Иль можно петь моей цевнице
В пустыне дикой и пустой,
Куда никак нельзя царице
Поэзии придти младой.

Однако житейский опыт, семейные заботы «примирили» его с деревен-

ским уединением. Чтение, письма друзей о литературных новостях благотворно сказалось на его творчестве. Здесь рождались замыслы новых произведений.

В 1809 году, увлеченный «легкой поэзией», Батюшков испытывает творческий подъем. В письме Гнедичу от 6 сентября 1809 года он пишет: «Стихи свои переправил так, что самому люблю. Право, лучший судья, после двух или трех лет, сам сочинитель, если он не заражен величайшим пророком и величайшей добродетелью — самолюбием».

В 1810-1811 годах он живет по полгода в Хантанове, наслаждается свободой, общением с родными, природой, книгами, а в письмах обменивается впечатлениями с друзьями. Дружба с Н. М. Карамзиным, П. А. Вяземским, В. А. Жуковским, Н. И. Гнедичем благотворно сказалась на творчестве Батюшкова. В стихах, написанных в 1810-1811 годах, поэт,убежденный в том, что человек создан для счастья, воспевает свободу, безмятежность, дружбу, любовь.

В Хантанове Батюшковым были созданы наиболее значительные произведения: послание «Мои Пенаты», сатира «Видение на брегах Леты», поэма «Странствователь и домосед», лирические стихи, эпиграммы, проза, переводы, в том числе элегия «Умирающий Тасс», «именно там, один в своем домике» он поставил множество новых проблем для русской литературы и основал новые жанры её. Там у него и «стихи текли сами собою», и проза «сама собою складывалась». Стихи К. Н. Батюшкова вызывали восторг у современников.

В. А. Кошелев отмечает: «Это было время высокого творческого взлета Батюшкова, пришедшей к нему уверенности в самостоятельности и самобытности его таланта. Поэт не только подводил итоги сделанному, но и смело прокладывал дорогу новому в русской поэзии».

Связь усадьбы с творчеством Батюшкова несомненна. Здесь зародилась

любовь поэта к русской природе, которая органично вошла в его творчество.

Своеборзная природа Хантанова с ее раздольем одуванчиковых лугов, живописными террасами, прохладными оврагами, в которых в конце мая, когда луга пестреют цветами, лежит снег, с великолепным парком, образцом парковой культуры XIX века, вызвала у поэта признание:

В красе божественной
любимцу своему,
Природа! Ты не раз на Севере
являлась
И в пламенной душе навеки
начерталась...
(Послание И. М. Мурavyevу)-
А^{постолу})

Особенной, сыновней, любовью к природе наполнены строки стихотворения «Есть наслаждение и в дикости лесов...»:

Есть наслаждение и в дикости лесов,
Есть радость на приморском береге,
И есть гармония в сем говоре валов,
Дробящихся в пустынном беге.
Я ближнего люблю, но ты,
природа-мать,
Для сердца ты всего дороже!
С тобой, владычица, привык я
забывать
И то, чем был, как был моложе,
И то, чем ныне стал
под холодом годов,
Тобою в чувствах оживаю:
Их выразить душа не знает
стройных слов,
И как молчать об них — не знаю.

О сердечной привязанности Батюшкова к «Отеческим Пенатам» вологодский поэт XIX века Федор Петрович Савинов писал:

Любил он наш Север,
природу родную,
«Светила любезного» сердцу искал,
И грусть, и печали, и душу больную
Лишь только в родимом kraю
врачевал.

Он странствовал много и часто
при жизни,
Отторженный рано от дома судьбой,
Но с юга, прекрасного юга,
К отчине,
К любимым пенатам он рвался
душой...

В заботах о материнской обители, о сестрах укреплялась и его любовь к Отечеству. В 1807 году, едва оправившись от тяжелой раны («сле живого его вынесли с поля боя»), полученной в сражении под Гейльсбергом, в «Воспоминании» (1808) он пишет:

О Гейльсбергски поля!
О холмы возвышенны!
Где столько раз в ночи,
луною освещенный,
Я, в думу погружен,
о родине мечтал...

Думы о родине не оставляли Батюшкова и во время победоносного похода против шведов (1809). Разделяя радость победы русского войнства, он с болью пишет: «Здесь мы победили; но целые ряды храбрых легли, и вот их могилы!.. Этот ряд могил русских в странах чуждых, отдаленных от родины, кажется, говорят мимоидущему воину: и тебя ожидает победа — и смерть!» В систему ценностей земной жизни у Батюшкова входит образ Родины, родной земли, отечества. Родина и домашние боги для него — последний якорь спасения:

Отдай, богиня, мне родимые
поля,
Отдай знакомый шум домашнего
ручья...

Эти лирические переживания нашли отзвуки и в его переписке, где постоянно возникают образы русской природы, русского бытия.

Можно с уверенностью говорить о том, что, благодаря общению с природой в родном Хантанове, так ярко и сильно выражено чувство родины в стихотворении «Пленный», герой которого просит вернуть ему «край отцов». Русский воин, оказавшийся на

чужбине, равнодушно воспринимает красоту окружающей природы («мир душистый расцветает», «на горах роскошно зреет янтарный виноград»), он грезит о далекой родине:

Какие радости в чужбине?
Они в родных краях;
Они цветут в моей пустыне,
И в дебрях, и в снегах.
Отдайте же мне мою свободу!
Отдайте край отцов,
Отчизны выヨги, непогоду,
На родине мой кров,
Покрытый в зиму ярким снегом!..

Когда отечество бывало в опасности, К. Н. Батюшков, не раздумывая, вставал в ряды его защитников. Так было и во время Отечественной войны 1812 года. Из-за болезни он не смог принять участия в Бородинском сражении, о чем с горечью писал своему боевому товарищу Ивану Петину: «В первый раз я позавидовал тебе». Сопровождая семью двоюродного дяди М. Н. Муравьева из Москвы в Нижний Новгород, он был поражен видом сожженного и разграбленного города. В письме к Н. И. Гнедичу «Октябрь 1812. Нижний Новгород» он пишет: «При имени Москвы, при одном назывании нашей доброй, гостеприимной каменной Москвы, сердце мое трепещет, и тысяча воспоминаний, одно другого горестнее, волнуются в моей голове. Мщения! мщения! Варвары! Вандалы! И этот народ извергов осмелился говорить о свободе, о философии, о человеколюбии...».

Боль, гнев, потрясение, пережитые Батюшковым в Москве, он выразил в элегии «К Дашкову», где поэт отказывается воспевать

любовь и радость,
Беспечность, счастье и покой
И шумную за чашей юность!
Среди военных непогод,
При страшном зареве столицы,
На голос мирных цваницы
Сывать пастушек в хоровод!
Мне петь коварные забавы

Армид и ветреных Цирцей
Среди могил моих друзей,
Утраченных на поле славы!..

Нет, нет! Пока на поле чести
За древний град моих отцов
Не понесу я в жертву мести
И жизнь, и к родине любовь;
Пока с израненным героем,
Кому известен к славе путь,
Три раза не поставлю грудь
Перед врагов сокнутым строем, —
Мой друг, дотоле будут мне
Все чужды Музы и Хариты,
Венки, рукой любови свиты,
И радость шумная в вине!

В письме к П. А. Вяземскому из Петербурга в первой половине июля 1812 года Батюшков пишет: «Если бы не проклятая лихорадка, то я полетел бы в армию... мне же не приучаться к войне. Да, кажется, и долг велит защищать Отечество и Государя нам, молодым людям». Пережив радость победы над французами, он создает стихи и прозу патриотического содержания («К Никите», «Переход через Рейн» и др.).

В письме к Н. И. Гнедичу от 16 января 1814 года Батюшков пишет: «Итак, мой милый друг, мы перешли через Рейн, мы во Франции... Эти слова: мы во Франции — возбуждают в моей голове тысячу мыслей, в которых результат есть тот, что я горжусь моей родиной». Об этом событии «лучшее стихотворение поэта — сильнейшее и более всех обдуманное (А. С. Пушкин)». Оно о единении народов России перед лицом опасности.

Строки стихотворения «Переход через Рейн» ярко передают состояние радости и скорой победы:

И час судьбы настал!
Мы здесь, сыны снегов,
Под знаменем Москвы,
с свободой и с громами!..
Стеклись с морей, покрытых льдами,
От струй полуденных,
от Каспия валов,
От волн Улей и Байкала,

От Волги, Дона и Днепра,
От града нашего Петра,
С вершин Кавказа и Урала!..
Стеклись, нагрянули,
за честь твоих граждан,
За честь твердынь, и сел,
и нив опустошенных,
И берегов благословенных,
Где расцвело в тиши
блаженство россиян;
Где ангел мирный, светозарной,
Для стран полуночи рожден,
И провиденьем обречен
Царю, отчизне благодарной.
Мы здесь, о Рейн, здесь!
ты видишь блеск мечей!
Ты слышишь шум полков
новых коней ржанье,
«Ура» победы и взвыванье
Идущих, скачащих
к тебе богатырей.
Взвивая к небу прах летучий,
По трупам вражеским лягтят
И вот — коней лихих поят,
Кругом заставя дол зыбучий.
Какой чудесный пир
для слуха и очей!

К. Н. Батюшков возвращался в Россию с надеждой на грядущие перемены в обществе и в личной жизни. Однако надежды на благополучное завершение весной службы, обретение личного счастья и мира в душе не оправдались. В 1815 году настроение его резко меняется. Батюшков переживает острый душевный кризис. В отношениях с Анной Фурман он не чувствовал взаимности. В письме к А. Ф. Муравьевой он пишет: «Для чего я буду искать теперь чинов, которых я не уважаю, и денег, которые меня не сделают счастливым? А искать чины и деньги для жены, которую любишь? Начать жить под одною кровлею в нищете, без надежды?.. Нет, не соглашусь на это...». Можно себе представить, какую боль испытал Батюшков, отказываясь от той, которая вдохновляла и спасала его «среди военных непогод». Об этом говорят строки стихотворения «Мой гений»:

О, память сердца! ты сильней
Рассудка памяти печальной
И часто сладостью своей
Меня в стране пленишь дальний.
Я помню голос милых слов,
Я помню очи голубые,
Я помню локоны златые
Небрежно выущихся власов.
Моей пастушки несравненной
Я помню весь наряд простой,
И образ милой, незабвенной
Повсюду странствует со мной.
Хранитель гений мой — любовью:
В утешу дан разлуке он:
Засну ль? приникнет к изголовью
И уладит печальный сон.

Личная драма (разрыв с Анной Фурман), житейские неурядицы и неустроенность по службе стали причиной страннического образа жизни поэта. Помимо поездки в Тихвин на богоявление, он живет то в Петербурге, то в Хантаново, то в Каменце-Подольском, где безуспешно ходатайствует о переводе в гвардию. Наконец, в августе 1816 года получает перевод в гвардию, но резко меняет планы: хлопочет об отставке и получает «невыгодную отставку» в чине коллежского асессора.

Если раньше он считал, что «светское образованное общество есть лучшая школа для писателя», то теперь (1816) он думает иначе: «Жить в обществе, носить на себе тяжелое ярмо должностей, часто ничтожных и суетных, и хотеть согласовывать выгоды самолюбия с желанием славы есть требование истинно суетное». В конце 1816 года он спешит в Хантаново, чтобы провести там зиму и весну «во спасение души, тела и кармана». И теперь уже хозяйственные заботы, деревенские хлопоты не вызывают в нем раздражения. В январе 1817 года К. Н. Батюшков пишет П. А. Вяземскому: «Теперь начинаю отдыхать, раскладывая мои книги... если здоровье позволит, то примусь за стихи».

В это время в его творчестве появляются философские и религиозные размышления («К другу», «Ты знаешь...», «Надежда»), мотивы трагической любви («Разлука», «Пробуждение», «Элегия»),

разлада художника-творца с окружающим миром («Гезиод и Омир, соперники», «Умирающий Тасс»).

К. Н. Батюшков трепетно и ответственно относился к своему творчеству. Это особенно проявилось в период подготовки книги, над составлением которой он напряженно работал. Не робевший в «военном деле» на бранном поле К. Н. Батюшков падает духом, когда речь заходит о его творчестве. Вот только некоторые сомнения, выраженные в письмах к друзьям:

В. А. Жуковскому <июнь 1817. Хантаново>: «Что скажешь о моей прозе? С ужасом делаю этот вопрос. Зачем я вздумал это печатать. Но могло ли быть лучше? Какую жизнь я вел для стихов! Три войны, все на коне и в мире на большой дороге... Если Бог позволит предпринять другое издание, то я все переправлю; может быть, напишу что-нибудь новое. Мне хотелось бы дать новое направление моей крохотной музе и область элегии расширить».

Н. И. Гнедичу <начало сентября 1816. Москва>: «Том прозы будет интересен... Надеюсь, что моя книга будет книга, если не прекрасная, то не совершенно бездельная».

<Вторая половина января 1817. Хантаново>: «Все прекрасное мое — мое собственное. Я могу ошибаться, ошибаюсь, но не лгу, ни себе, ни людям. Ни за кем не брошу: иду своим путем. Я в снегах: около меня снег и лед. Здоровье плохо, очень плохо, но я тружусь и исполню обещание, пришлю стихи. Портреты никак! На место его виньетку».

<Март 1817. Хантаново>: «Полагаю, что том прозы будет жидок... Будешь ли доволен стихами. Размешай их, как хочешь... Если есть глупые стихи, выпиши их, я постараюсь поправить... Если бы война не убила моего здоровья, то чувствую, что написал бы что-нибудь получше. Но как писать? Здесь мушка на затылке, передо мной хина, впереди ломбард — сзади три войны с биваками».

Книга «Опыты в стихах и прозе» (1817) была встречена доброжелательно. Получив одобрительный отзыв от

И. И. Дмитриева, К. Н. Батюшков пишет ему в августе 1817 года из Даниловского: «Большая часть моей книги писана про себя. Я хотел учиться писать и в прозе заготовлял воспоминания или материалы для поэзии. Сам не знаю, как я решился напечатать это». А. С. Пушкин, один из самых заинтересованных читателей К. Н. Батюшкова, оставил о них восторженные отзывы: «прекрасно», «смело и счастливо», «очень мило», «что за чудотворец этот Батюшков! Звуки итальянские!».

В марте 1817 года К. Н. Батюшков писал В. Л. Пушкину: «Ваши сочинения принадлежат славе, со мною будет иначе: ваши внуки не отыщут моего имени в лексиконе славы».

Предположение поэта не оправдалось. Не остыла память о нем и любое людская. Подтвердилось предположение поэта Геннадия Иванова:

«О, память сердца! — это на века.
А «Изречение Мельхиседека»...
Не поглотит его времен река
Ни как поэта, ни как человека.

Валентина Чусова
Член Батюшковского общества
г. Череповец

АВТОГРАФ
Литературно-художественный журнал

63

Обществ. совет: Ю. П. Малоземов,
В. М. Бақуменко, Н. Т. Бушенев,
К. А. Павлов, Ю. Б. Максимов

Мнения авторов могут не совпадать с мнением редакции.

Адрес для писем: 160000, г. Вологда, а/я 220.
E-mail: yuriii_malozemov@mail.ru

Вологда
2012

